

Премия молодых писателей
Финляндии **Kalevi Jännti Prize**
Премия за лучшее фэнтези,
выпущенное в Финляндии
Tähtifantasia Prize

ЮХАНИ
КАРИЛА

ОХОТА НА МАЛЕНЬКУЮ ЩУКУ

«Ошеломляющая вереница
мифических существ,
суровый мир Лапландии
и острые душевные переживания»

– *Helsingin Sanomat newspaper*

Роман переведен на 12 языков

Юхани Карила
Охота на маленькую щуку

Издательство "Livebook/Гаятри"

2019

УДК 82-3
ББК 84

Карила Ю.

Охота на маленькую щуку / Ю. Карила — Издательство
"Livebook/Гаятри" , 2019

ISBN 978-5-907428-58-4

«Охота на маленькую щуку» — одновременно трогательная история любви и затейливое фэнтези. Роман-погружение в самобытный фольклор Лапландии и современную финскую жизнь. Каждый год Элина Юлияакко возвращается в свою родную деревню в Восточной Лапландии, чтобы поймать щуку в небольшом лесном озере. Ведь эта рыба хранит секрет, от которого зависит жизнь Элины. Но на сей раз в охоту на щуку вмешивается водяной, и вскоре к противостоянию присоединяются другие люди и древние существа: торфяные буки, воблины, хмурницы, полосатоноги, коргоруши, кудахтаны. Рыбалка превращается в отчаянное приключение. Это роман-притча, роман-сказка про большую любовь, случайное предательство, преодоление и прощение себя. Насыщенный точными описаниями северной природы, роман переносит читателя в какой-то доисторический мир, где миф неотличим от реальности, а человек и природа являются целым единым.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907428-58-4

© Карила Ю., 2019
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2019

Содержание

Пролог	6
День первый	9
1	9
2	19
3	25
4	27
День второй	33
5	33
6	40
7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юхани Карила

Охота на маленькую щуку

Juhani Karila

PIENEN HAUEN PYYDYSTYS

© Juhani Karila 2019

© Иван Прилежаев, пер. на русский язык, 2022

© Livebook Publishing, оформление, 2022

* * *

сапоги и примутся кусать за пятки. Противное ощущение. Однажды в Сауккоаава... Ну вот, добрались до нас кровососы, облепили с ног до головы. Посмотри, как они тычутся своими мерзкими хоботками. Без паники! Им тебя не достать. Грязь засохла и защищает, как броня.

Радуйся еще, что нет полосатоголов. Эти мерзавцы огромные, как вертолеты. Такое чудовище способно поднять в воздух взрослого человека. Оно засовывает свой хобот ему в глаз и выпивает все внутренности. Потом бросает сухую оболочку в заросли ивняка, и та полощется на ветвях, как белье на ветру.

Справа на берегу виднеется ферма семьи Юлияакко. В доме сейчас никто не живет, но скоро там появятся люди.

Моешь поверить, что месяц назад на этом месте было полтора метра воды? Весной во время паводка тут образуется большое озеро. Прямо в том месте, куда мы приземлились, целую неделю полно сигов.

Видишь неглубокую канавку во мху, похожую на тропку? Ее протоптала героиня нашей истории. А вон там снова виднеется тот же самый ручей. Пойдем по нему, как по радуге, в конце пути нас кое-что ждет. Но сначала надо опять пройти сквозь ивняк. Ветки расступаются, образуя коридор в самую чащу. Да, так и есть.

Среди зарослей притаилось Укромное озеро. Мелкое, словно лужа, с мутной от водорослей водой. Здесь живут отъевшиеся окуни, большущие, как кухонные рукавицы.

Потихоньку, шаг за шагом, – вперед! Думаешь, мы уже пришли? Хе-хе! За зарослями ивы нас снова ждут болото и топь. Сплавина. И наконец, еще сотня метров болотной няши.

Ноги вязнут все больше.

Иногда мне кажется, что когда-нибудь наш мир закончится не океаном и не пустыней, а превратится в болото. Поля утонут в болоте. Села утонут в болоте. Дорожные указатели и развязки, небоскребы... все они утонут в болоте. Даже хребты и горы утонут в болоте. Болото будет наступать, одолевая озера и океаны, как страшная болезнь, и рыбы лишатся солнечного света, а от Африки до Америки можно будет брести по бесконечной, колышущейся кочковатой трясине, и весь земной шар превратится в одну чавкающую, хлюпающую и колышущуюся под ногами топь, над которой раздастся лишь комариный зуд и новый разумный организм перемещается над хлябью на высоких механических ногах.

Но до тех пор еще есть время, и теперь у меня хорошая новость. Мы уже близко. Да, вот к тому, поблескивающему впереди, озерцу мы и направлялись.

Добро пожаловать на Ям-озеро.

Если Укромное озеро – мелкое, то Ям-озеро по сравнению с ним – просто лужа. Тридцать сантиметров в самом глубоком месте. Да и то не факт. Вода мутная, как гороховый суп, и где-то в этой жиже грустит щука.

Вот сцена, на которой будет развиваться наша история, и на дне – покрытая слизью одна из главных ее героинь.

Ради нее-то мы и прибыли сюда.

Но послушай! Как щука оказалась в этом болоте?

Я ведь сказал, что в мае здесь озеро. А на исходе мая и в начале июня вода начинает уходить. Она убывает на глазах, но рыбы, которые медленно соображают в ледяной воде, не понимают, что им следовало бы изо всех сил работать плавниками, чтобы поскорее вернуться в Китинен, приток Кемийоки. Некоторые по глупости замирают на месте, как и многие другие существа в переломные моменты своей жизни, и вскоре они обнаруживают, что стали пленниками наполненного вешней водой озерца. Тогда начинается игра на выживание: рыбы принимают друг друга. Озеро становится прибежищем нескольких щук, стайки окуней и дюжины плотвичек. Сначала съедают плотвиц, потом мелких окушков. И так далее.

В конце концов выживает одна-единственная щука. Она оказывается в жутких условиях. Пищи нет никакой, и щуке приходится охотиться за жуками, пролетающими над самой водой, а

если повезет, иногда можно полакомиться и глупой полевкой, отправившейся куда-то вплавь... Щуке ничего не остается, как скрываться под водой, хиреть и ждать смерти.

Слышишь? Хлопнула дверца машины. Еще одна наша героиня прибыла на старую ферму семейства Юлиакко. Это значит, все готово. У нее в распоряжении трое суток. А у меня больше нет ни секунды: я начинаю погружаться в болото. К счастью, меня не нужно спасать, это погружение входит в план. Я тут всего лишь гость, просто кратко ввел тебя в курс дела. Ну и участвую в представлении. И помнишь...

День первый

1

Черета неприятных событий привела к тому, что Элине каждый год было совершенно необходимо поймать щуку до 18 июня.

От этого зависела ее жизнь.

Элина отправилась в путь 14 июня, когда половодье на севере уже наверняка пошло на убыль и до озера стало можно дойти в резиновых сапогах. Она выехала спозаранку и оставалась за рулем весь день. Чем дальше она продвигалась, тем меньше ей встречалось городов, запра-вочных станций и поселков. Деревья мельчали. В конце концов населенные пункты и вовсе перестали попадаться на пути. Лес.

Иногда из-за поворота вылетал встречный автомобиль. Тогда она резко притормаживала. Водители показывали жестами, что Элине следует немедленно повернуть назад.

На обочине стоял дорожный знак, извещающий, что через сорок километров всякая связь полностью пропадет.

Элина подъехала к чисто вырубленной просеке метров пятьдесят шириной – начало пограничной зоны. Посредине стояла белая будка. Дорогу перегораживал шлагбаум. Элина подкатила к нему.

За открытым окошком со скучающим видом сидел пограничник в серой униформе. Под мышками у него расплылись темные пятна пота. В будке тарахтел вентилятор. Элина наклони-лась к окну и поздоровалась. Пограничник сразу завел обычную пластинку. Сказал, что пра-вительство Финляндии не рекомендует продолжать путь. Если Элина все-таки решит ехать дальше, то любые страховки перестанут действовать и Элина будет отвечать за себя сама.

– Я оттуда родом, – ответила она.

Пограничник протянул руку. Элина положила в нее удостоверение личности. Погранич-ник рассмотрел документ, взглянул на Элину, потом снова на удостоверение. Вернул ей кар-точку и сказал, что помнит ее – уже доводилось встречаться.

– Да, – отозвалась Элина.

– Чертовски жарко, – заметил пограничник и обернулся посмотреть на градусник, висев-ший на стене будки. – Двадцать восемь в тени! – воскликнул он.

– Ого!

– Никогда не поступайте на государственную службу, – сказал пограничник.

– Хорошо.

– Ну, тогда счастливого пути.

Пограничник открыл шлагбаум. Элина на прощание подняла руку и нажала на педаль акселератора.

После просеки, отделявшей пограничную зону, лес снова подступил к дороге с обеих сторон. Шоссе было пустым. Элина прибавила газу. Сломанный в драке палец на правой ноге отозвался болью.

После пересечения полярного круга Элина стала поглядывать в зеркало заднего вида и на обочины. Если замечала темные бугры, то притормаживала, пока не убеждалась, что это пни или корни. Включила радио. По всем каналам предсказывали жару, лесные пожары и наводнения.

Время от времени она останавливалась на придорожных стоянках, выходила из машины и, повернувшись лицом к лесу, тихо стояла с закрытыми глазами. Прислушиваясь к своему дыханию, старалась успокоиться.

От стоянки к стоянке комаров становилось все больше.

Она проехала Куйкканиеми, даже не взглянув на реку. Деревня появилась среди леса как мираж. И как мираж исчезла.

Элина добралась до Вуопио в десять вечера. Северное солнце было еще высоко и окрашивало все в теплый цвет старой пожелтевшей газеты. Она повернула направо к мосту и медленно переехала через него. За мостом свернула налево и продолжила путь вниз по течению реки к своему родному дому.

Перед последним поворотом слева стоял дом Аско и Эфраима, следующей была избушка Совы. Свет в окнах не горел. Элина проехала последний прямой участок, который завершался табличкой «Конец дороги общего пользования». Въехала во двор своего дома.

Хозяйство семьи Юлияакко состояло из четырех построек: старая сауна, изба, в которой прошло детство отца, жилой дом и бывший хлев. Вдоль дорожки во дворе тянулся ряд высоких осин. Элина остановилась перед хлевом и вышла из машины. Ее оглушил звон комаров и пьянящая песня дрозда-белобровика. Напористое, наполненное жизнью дребезжание вьюрка. Сосна стояла между сауной и хлевом, словно сторожевая башня на границе двух миров – суши и топи, наклонившись к болоту, неподвижному и напитанному влагой.

Утром Элина проснулась от громкого звука. Она вылезла из кровати, выглянула в окно и увидела кукушку. Та сидела на осине и куковала, отсчитывала срок живущим. Элина никогда не видела кукушку так близко. Заметив Элину, птица замолчала и улетела.

Глядя на опустевшую осину, Элина обдумывала план на день – ловлю щуки.

Элина ночевала в своей старой комнате. Там была кровать, книжная полка, стол и стул. Больше ничего.

Остальным домом она предоставила распоряжаться Сове.

Элина присела на краешек кровати. Провела ладонью по трехмиллиметровой щетине на побритой голове.

Бритье головы было частью ритуала.

Она вытянула вперед правую ногу и стала рассматривать большой палец, посиневший и опухший. Выглядел он хуже, чем казался по ощущениям. С ним надо было что-то делать.

Хромая, она добрела до коридора. Слева была дверь в гостиную, на стенах которой Сова развесил карты с ареалами обитания птиц и путями их миграции, таблицы и рисунки перепончатых утиных лап. Элина повернула направо, в кухню. Взяла с холодильника недельной давности газету «Народ Лапландии», порвала ее на полоски и обмотала ими больной палец и соседний, здоровый. В шкафу нашла ножницы и отрезала кусок сантехнического скотча. Стянула края бумаги и накрепко склеила повязку. Пальцы оказались надежно упакованы.

Элина положила ножницы обратно в шкаф. На его дверце была прикреплена карта, на которой Сова крестиками отмечал карандашом места, где встречал воблинов.

Элина включила кофеварку, открыла створку окна и стала смотреть во двор. Она ничего не ела вечером, но это было обычным делом. Перво-наперво всегда пропадал аппетит. Во дворе галдели те же птицы, что и пятнадцать лет назад. Дрозды-рябинники, трясогузки, ласточки. Они казались теми же, но это были уже другие птицы, множество птиц – во дворе, на деревьях, в строениях. Если смотреть в окно и выглядывать пернатых, то их можно было обнаружить повсюду. Ласточки, словно реактивные самолеты, через окна на чердаке сарая залетали внутрь. Дрозды передвигались по двору ровными прыжками, иногда замирая на месте, и тогда приходилось внимательно всматриваться, чтобы понять рябинник перед тобой или кучка земли.

Элина проглотила кофе и ощутила себя хрупким кусочком коры. Отец однажды сидел на том же самом месте и, услышав, как коготки цокают по полу, перекрестился. Глянув вниз, он увидел ласку. Та смотрела ему прямо в глаза с таким видом, словно и была истинной хозяйкой в доме.

– И откуда эта животиная знает, где у человека зенки, – удивлялся отец.

На похоронах матери Элина спросила у отца, почему дом надо было построить у самого болота. Отец ответил, что его предки жили на этом месте испокон веков и что маме такое расположение дома очень нравилось.

Прежде чем выйти замуж, мать тщательно изучила окрестности. Она составила карту местности, на которой нарисовала их будущий дом – этот самый дом, так, чтобы он был сориентирован по востоку и западу и «возлежал на Лапландии» подобно водяному уровню, которым пользуются строители. Мама сказала, что если все сделать именно так, то дом «как нужно» дополнит окружающий пейзаж. Реку, леса и сопки.

Отец посмотрел на мать. Миниатюрная женщина с короткими угольно-черными волосами и маленькими темными глазами, не отражавшими свет.

– Так, – сказал отец, – и что, значит, дальше?

Они построили дом вместе. Он получился одноэтажным и длинным. Совсем не похожим на другие дома в деревне, представлявшие собой просторные избы с печью посередине. Этот дом вовсе не походил на избу. Небольшая кухонька, за столом которой теперь и сидела Элина, располагалась в коридоре, проходившем через весь дом. На западной стороне он заканчивался гостиной, а на восточной – котельной.

– Тутова пульт управления и мотор, – говаривал папа Элине, когда она была еще ребенком. – Мы тебе, значит, космический корабль соорудили.

По ночам, когда сон не шел, Элина, лежа в кровати, прислушивалась к шорохам из-за стен и потолка. Она представляла себе, что они исходят от двигателей ракеты, толкающих космический корабль вперед в окружающей темноте. На самом деле, эти звуки производили мыши, бегавшие в перекрытиях и в полостях стен. Уже в первые десять лет после стройки они сожрали почти весь строительный утеплитель, и зимой отцу приходилось с утра до ночи таскать в котельную дрова.

Летом мышей удавалось выгнать и переловить мышеловками. Однажды отец устроил западню, выкопав яму на их тропе. В углубление он установил пустую банку из-под соленых огурцов и налил в нее до половины воды. Мыши бежали проторенным путем и падали в банку. Утром мать вытащила дохлых мышей из банки и из давилок и выбросила их на крышу погреба, прямо в заросли иван-чая и малины.

В вечерних сумерках Элина, мама и папа сидели в сауне и из окошка парной наблюдали, как мохноногие сычи и ястребиные совы подлетали из-за овсов, посеянных как приманка для дичи, и опускались на круглую крышу погреба.

Недавние события разом навалились на Элину.

Птицы умолкли.

Часы гулко тикали. Чувство вины сдавило ей грудь знакомой, необоримой тяжестью. Пфффффф.

Она прижалась лбом к столешнице. Несколько раз ударила по ней головой.

– Дерьмо, – сказала она. – Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо, – расправила плечи. – Ладно. Пожалуй, пора.

Элина встала и прошла несколько раз взад и вперед по кухне. Подняла руки и потрясла ими перед собой с растопыренными, как от сильного удара электрическим током, пальцами.

Села на пол. Наклонилась на бок, повалилась. Свернулась в позу эмбриона. Это не помогло. Она встала. Добрела до гостиной. Посмотрела в каждое из окон и вернулась на кухню. Помотала головой.

– Дерьмо. Чертово дерьмо.

Она взяла со стола шариковую ручку и подумала, не сломать ли ее. Положила ручку обратно на стол. Она обещала Сове, что больше не будет портить вещи.

Прижалась лбом к дверце холодильника. Ощутила ее прохладу. Запрокинула голову и ударила ею по холодильнику с такой силой, что стеклянные банки на полках зазвенели.

– Вот же черт, – сказала она, голова ее застыла на месте. – Черт, черт, черт.

Она засмеялась и подошла к зеркалу:

– Да ты просто проголодалась. Съешь что-нибудь.

Элина сварила овсяную кашу и стала медленно запихивать ее ложкой в рот, как будто уголь в печку. Вернулась в свою комнату и натянула походные штаны из грубой ткани с карманами на бедрах. Понюхала вчерашнюю рубашку. Та все еще пахла дымом. Элина швырнула рубашку в корзину с грязным бельем. Откопала в шкафу старую серую рубашку свободного кроя и облачилась в нее. Прошла в комнатку рядом с кухней и намазала лицо, шею и руки средством от комаров.

В котельной Элина нашла свои резиновые сапоги, надела их, сняла с вешалки кепку и, водрузив ее на голову, открыла дверь и вышла на улицу.

Было еще только девять утра, но обалдевшие от жары пчелы и слепни уже беспорядочно и неспешно летали по двору. За ними наблюдали барражировавшие в воздухе стрекозы, за которыми, в свою очередь, гонялись ласточки. На стене хлева, наслаждаясь солнышком, уселись в ряд отливающие металлом мясные мухи.

Элина отправилась в бывший хлев за спиннингом.

В помещении было прохладно. Полчища комаров, которые укрывались тут от солнца, обрадовавшись, что еда явилась к ним сама, бросились на Элину. Та, спасаясь от кровососов, нещадно хлопала себя по рукам и шее.

Она старалась все время двигаться. Это помогало. И от комаров, и от мыслей, которые тоже не позволяли расслабиться.

Элина решила сразу же покончить с поимкой щуки. Она принялась искать спиннинги в углу, среди лыж, но там снастей не оказалось. Посмотрела среди вешал для сена, и под кормушками для птиц, и за мопедами. Все было буквально завалено разными вещами. Когда отец перестал заниматься разделкой лосей, он стащил в хлев все, в чем не было повседневной нужды. Барахла набралось много, ведь в последнее время у отца не было иных занятий, кроме как просто сидеть на веранде, пить пиво и глядеть на болото.

Наверху, под самой крышей, в основании коньковой балки, устроили гнезда деревенские ласточки. Птенцы смотрели на Элину и громко пищали.

Она перешла на половину, где раньше стояли коровы. Комары последовали за ней. Тут примостился старый бойлер для нагревания воды. Его принесло наводнением прямо им во двор. Отец его вычистил и переделал в коптильню для рыбы. В старые времена у деревенских жителей в этих краях было заведено по весне выбрасывать весь накопившийся хлам на речной

лед. С паводком река уносила мусор на радость тем, кто жил ниже по течению. В реке покоились тонны отходов. Унитазы, холодильники, морозильные камеры, автомобили.

Элина нашла старый спиннинг с обычной катушкой под сложенным спанбондом для огорода. Там же лежала коробка с блеснами, которую, видимо, оставил Сова.

Спиннинга с безынерционной катушкой нигде не было. Ей нужен был именно такой, поскольку его можно забрасывать одной рукой, да и блесна подойдет легкая, десятиграммовый «доплер» или мелкая вертушка «рапала». Длинная рукоятка из пробки на старом спиннинге местами потрескалась. Посредине удилище было сломано и замотано серым скотчем, которым пользуются сантехники.

Элина попробовала согнуть снасть. Отремонтированное место выдержало.

Может, и этот сойдет.

На конце лески уже был привязан стальной поводок со следами щучьих зубов. Она положила в старый футляр для очков несколько воблеров, блесны – ложку и вертушку – и запихнула очечник за голенище сапога. Вышла из хлева во двор, глянула на белые облачка. Они, словно ангелы, принявшие причудливые формы, неспешно плыли по небу. Элина подумала, что день будет очень хорошим.

В этом она была совершенно права.

Двор перед хлевом зарос крапивой и иван-чаем. Сова прокосил в зарослях узкий проход, по которому Элина и отправилась в путь. Было душно. Воздух словно устал и, недвижимый, остался отдохнуть во дворе. Элина принялась насвистывать старый шлягер. Ей ответил певчий дрозд.

Иван-чай среди крапивы стремился вверх своими упругими стеблями. Через каких-то пару месяцев эти растения будут выше нее, сгорбятся и склонят свои покрытые розовыми цветками макушки навстречу августу. Постепенно они побуреют от нижних листьев до верхних, засохнут и умрут стоя, их засыплет снегом, который покроет тут все вокруг, воцарится тишина, и только луна будет освещать это белое безмолвие.

За хлевом по краю леса пролегла фермерская дорога. Она уходила под берег и вела через болото и заросли ивняка на поля между Большим и Малым заливом. Спустившись с пригорка, Элина сразу свернула с дороги в болото. Легкий путь закончился. Она обошла Укромное озеро с крупными окунями. Оно заросло по краям кустами ивы, ветки которых, царапаясь, оставляли на обнаженных руках белые и красные полосы. Ей это нравилось.

Комары, почуяв Элину, бросались к ней со всех сторон, и она их прихлопывала. Пахло болотом. Оно казалось сухим, но при каждом шаге нога уходила вглубь на несколько сантиметров, и среди травы проступала вода. Всякий раз, когда Элина вытаскивала ногу, болото издавало резкий всхлип, словно не хотело отпустить лакомую добычу. Она с осторожностью ступала на правую ногу, но самодельная повязка из скотча делала свое дело. Элина топтала сфагнум, багульник и пушицу, мелкие кустарнички, жесткие стебли которых переплетались между собой, словно электрические провода. Сезон цветения клюквы. Ее крохотные нежно-розовые цветочки свисали с кончиков цветоносов словно жемчужинки. Слишком красиво для такой топи. Местами на кочках побеги клюквы образовывали целые заросли, и Элина целилась в них ногой, потому что там, на кочках, сапоги не уходили в трясины. Она остановилась. В теплую погоду торфяные буки ползают быстрее, чем обычно, однако, слава Создателю, все равно это неспешные твари.

Известно, что лоси и северные олени, переходившие через большие болота, иногда проваливались, или их засасывало в мочажины, где торфяные буки впивались в сочные туши.

Как же трудно жить и выполнять множество нелепых дел. Ну вот, например, то, чем приходится заниматься сейчас. Насколько же проще покоиться в холодной глубине под покрывалом из торфа.

А вот ее учуяли и принялись нарезать круги кусачие мухи-пестряки и слепни. Облака сгрудились над лесом и как-то изменились. Элина подумала, что это движется не она, а само время. Что она, как и буки, и облака, – всего лишь серия стоп-кадров. В следующий момент Элина оказалась на берегу озера.

Озеро, как и прежде, представляло собой вонючую яму в болоте. В середине водоема торчали голые стебли хвоща. Вода была наполнена коричневой взвесью. Эта взвесь тянулась к поверхности похожими на колонны сгустками.

Было еще начало дня и, вообще, очень плохая погода для рыбалки. Элина ослабила тормоз на катушке, отвела спиннинг назад и широким движением метнула воблер. Тот плюхнулся в воду посреди озера в метре от зарослей.

Элина оставила приманку просто плавать на поверхности воды. Если щука жива, а она всегда оказывалась жива, то неуклюже повернется на звук, как старая подводная лодка.

Реакция у этой одинокой щуки замедленная. Много дней она ничего не ела и только лежала полусонная в придонном иле, ожидая смерти, но теперь у нее мелькнула надежда, и чувства ее обострились до предела. Дрожа плавниками и расширив глаза, она анализирует движение воды и ила и думает, уж не привалила ли ей еда.

Элина дернула удилище. Воблер перепрыгнул сантиметров на десять и шлепнулся обратно в воду. Из-за зарослей на поверхности воды протянулась борозда. Элина больше ничего не предпринимала, потому что теперь щука знала, где находится добыча. Вода брызнула в разные стороны, и приманка исчезла. Рыбина схватила наживку. Щука сидела на крючке.

Она была с килограмм весом и повела себя так же, как все щуки, то есть потянула приманку. Сначала влево, потом вправо. Элина поворачивала спиннинг, удерживая его под прямым углом к леске. Поставила катушку на тормоз. Теперь щуку держало все удилище.

Раздался всплеск. Рыбина устала.

Элина держала спиннинг одной рукой. В другой у нее была кепка, которой она хлопала себя по бедрам. Целая коллекция прибитых насекомых каждый раз сыпалась в болото. Затем Элина снова надевает кепку и начала выбирать леску. Когда щука была в метре от нее, Элина подняла удилище, чтобы вытащить рыбу из воды. В этот момент леска лопнула.

Напс!

Над озером проплывали облака.

Элина взяла леску между пальцев и рассмотрела ее. Она была прозрачной и неровной. Элина спустила с катушки еще несколько витков, крепко взялась за леску обеими руками и потянула в разные стороны.

Напс.

Элина постаралась припомнить, когда в последний раз меняла леску на этой катушке. В голову ничего не приходило.

Это была первая настоящая неудача за пять лет. Раньше щуку всегда удавалось поймать с первого заброса.

Элина немного заволновалась.

Она поставила восемнадцатиграммового «крокодила» прямо на леску, без поводка. Дважды пропустила леску в отверстие на блесне и беспомощно посмотрела на получившиеся узелки. Черт! Как же правильно вязать узел? Элина принялась наворачивать и пропускать леску. Пальцы помнили свое дело.

Ей понадобились обе руки, что немало обрадовало слепней. Один вонзился в запястье. Больно. Элина послушавила узел и затянула его уверенным, ровным движением.

Затем щелчком пальца отправила слепня прочь.

Откусила кусок лески за узелком, подмотала блесну поближе к концу удилища, замахнулась и забросила приманку. Щука сразу схватила ее.

– Что ж ты, глупая, ничему не научилась-то, – пробормотала Элина.

На этот раз она хотела как следует вымотать щуку. Собиралась действовать осторожно, без резких движений, держать снасть в слабый натяг. Так, чтобы леска не порвалась, но и рыбине приходилось бы изрядно напрягаться. Нужно было, чтобы щука истратила свои последние силы, все свое сису³ и веру в жизнь, и когда ее удастся подтащить к берегу, она уже будет безразличным ко всему бревном. И тогда Элина присядет на корточки и быстро выхватит рыбу из воды, словно выпавший из кармана кассовый чек.

Она ослабила стопор на катушке. Щука начала выбирать леску. Рыбина тянула к середине озера, леска убежала в воду, и катушка жужжала.

Два обстоятельства беспокоили Элину. Если щука проглотила блесну глубоко, она может перекусить леску. С другой стороны, есть шанс, что щука запутает леску, намотав ее вокруг зарослей хвоща на середине озера, и тогда Элина потеряет контакт с рыбой. В этом случае даже одного сильного рывка достаточно, чтобы порвать снасть.

Повлиять она могла только на последнее обстоятельство.

Элина следила за тем, чтобы леска была натянута между ней и рыбой, а для этого обходила озеро, сообразуясь с перемещениями щуки так, чтобы между ними не оказались заросли хвоща. Щука плыла по часовой стрелке. Элина брела вокруг озера и пыталась удержать добычу, как хорошую мысль, промелькнувшую в голове. Она разговаривала вслух, чтобы сохранять самообладание. Объясняла себе каждый свой шаг и каждый рывок щуки.

Теперь комары и другие кусачие насекомые не давали Элине ни секунды покоя. Пот стекал по шее и рукам, смывал репеллент, и кровопийцы нещадно кусали ее. Они садились на кожу, выбирали местечко получше, чтобы впиться своими гибкими хоботками. Хоботок самки комара состоит из шести частей, это совершенный инструмент, снабженный зубчиками. Они прорезают в коже отверстие, в которое и проникает хоботок. Нижней губой комар придерживает его перпендикулярно к отверстию, а когда хоботок не используется, нижняя губа служит ему ножнами. Кроме того, комар впрыскивает в ранку слюну со специальным секретом, который не позволяет крови свернуться. Красные кровяные тельца отделяются от воды, и затем она капельками выводится через заднюю часть тела комара.

Сотни этих искусно созданных природой аппаратов для перекачки крови и размножения облепили Элину.

Но не только комары досаждали ей. Тут были и поблескивающие зелеными глазами пестряки, стремительные и молчаливые, и бычьи слепни – летающие какашки с крыльями. Они присаживались Элине на голову, примеривались к рубашке, брюкам и кепке. Искали неприкрытые одеждой места. Где могли, забирались в волосы, пронзали кожу и сосали кровь. Конкурировали друг с другом за место на руках и запястьях. Рассекали кожные покровы острыми стилетами, и когда показывалась кровь, преникали хоботком к ранкам. Покрытые щетинками темные брюшки пульсировали и наполнялись кровью. Насытившись, кровопийцы отправлялись откладывать яйца на траву у самой воды – лететь сюда им было недалеко. Слепни – это перочинные ножи, созданные самим дьяволом. А ведь в их ротовом аппарате есть еще и своего рода «губка», которой они «промакивают» кровь.

На слепней охотились потрескивающие сверкающими крыльями стрекозы с голубыми пятнами на брюшках – коромысла. Они хватали слепней, падая на них сверху, и удерживали их своими цепкими ножками. Стрекозы убивали слепней, прогрызая им голову, после чего усаживались на ветки ив и пожирали своих жертв. А самые крупные стрекозы и вовсе не пре-

---

³ Сису (финск. *sisu*) – совокупность черт, определяющих финский национальный характер, включающая в себя стремление к достижению цели, выдержку, упорство, стойкость и упрямство.

рывали полета. Они замирали в воздухе, величественные и зловещие, перемалывали добычу жвалами и осматривали окрестности всевидящими глазами. Слепней стрекозы пожирали полностью, оставляя нетронутыми только крылья.

Элина убивала комаров и слепней свободной рукой. Прихлопывала их на открытых участках кожи, брюках и рубашке. Ее левая рука почернела от хитина и внутренностей насекомых. Время от времени она вытирала руку о штаны, превратившиеся в последнее пристанище кровососов. Вовлеченная во всю эту круговерть смерти, паразитов и хищников, Элина продолжала путь вокруг озера. Ударилась обо что-то больным пальцем. Пошатнулась. Когда ей приходилось свободной рукой опираться о кочки, слепни и комары беспрепятственно бросались грызть и кусать ее, насасываться и лакомиться ее кровью.

И повсюду вокруг – в траве, на ветках, в зарослях кустарника – копошились жуки и прочие твари, ищущие свое место под солнцем, исходя из способностей, которыми одарила их природа. Они боролись за жизнь, и некоторые падали в озеро, где барахтались, отданные во власть другим организмам. Тогда по поверхности воды к ним стремительно скользили водомерки. Они походили на склеенные из тонких палочек украшения, пробужденные к жизни каким-то колдовством. Водомерки вонзали в жертву свой хоботок, впрыскивали в нее желудочный сок и высасывали ее содержимое, превратившееся в жидкость под действием фермента. После их трапезы оставалась лишь пустая кутикула. Если в воде оказывалось насекомое покрупнее, скажем, слепень, к нему бросалось сразу с десятков водомерок, окружавших жертву и устраивавших пиршество, подобно гиенам.

Высокие ели на лесистом островке среди болота от дуновения легкого ветерка качали ветвями, словно тоже приманивали добычу.

Время от времени на деревья прилетали птицы.

Под водой, на поверхности которой скользили водомерки, плавала щука. У нее была широкая, как у крокодила, голова, а тело сужалось к хвосту, словно у деревянной палицы. Она перемещалась по своему мутному миру, изогнув гибкое тело и выпрямляясь резким бесстрастным движением, вновь и вновь устремляясь вперед. Как красиво она плыла, почти не прилагая усилий! И как неуклюже следовала за ней Элина, тяжело переставляя ноги.

Девушка была вся мокрая от пота и крови. В волосах застряли комары, которым удалось забраться под край кепки. Они досыта напился кровью, но были не в состоянии выбраться наружу, жужжали и звенели в своей тесной темнице. Комары копошились и в ушах, не находя оттуда выхода. Чувствуя себя в ловушке, они стонали, издавая невообразимый вой, и казалось, он исходил прямо из головы. От бесчисленных укусов боль разливалась по всему телу. Поврежденная нога тоже болела, и Элина испытывала даже какое-то удовлетворение от всего этого наказания.

Как прекрасно было на озере, как медленно текло время, и как горько было Элине. Они обе обессилели – Элина и щука. Элина с трудом тащилась по уходившему из-под ног, податливому болоту. Щука плыла в озере, стараясь избавиться от лески, лишившей ее свободы. Вопрос был в том, у кого первого кончатся силы. Элина больше не могла ни о чем думать – только поочередно переставляла ноги.

Было уже слишком поздно, когда она заметила, что леска провисла. Щука прекратила свое беспорядочное кружение. Она остановилась на середине озера – и это могло означать, что силы ее покинули.

Элина не дала щуке возможности отдохнуть. Она потянула снасть, заставляя рыбину двигаться. Щука неохотно поплыла к берегу и была уже в двух метрах от уреза воды. Элина, широко шагая, осторожно подобралась к рыбе. Последний шаг она сделала правой ногой. Палец пронзил боль, и Элина вскрикнула. Рыба открыла рот, распахнув жаберные крышки, словно крылья. На нижней челюсти у нее болтались блесна и воблер. Элина присела на кор-

точки в надежде, что щука не в силах больше бороться. Что протянутая рука не испугает рыбу, а наоборот, покажется ей избавлением.

Блеснул щучий глаз, мутная жемчужина, в которой погас окружающий мир с его движением и цветом. В ней не отражалось ни вызова, ни отчаяния. И в этот момент щука сделала то, что только и могла сделать.

Она рванула на середину озера.

И они повторили все представление снова. И затем еще раз.

А потом с Элиной случилась беда. Ее правая нога, теперь уже бесчувственная, неожиданно погрузилась глубоко в топь. Девушка потеряла равновесие и осела задом в холодный мокрый торф. Вскочила и изо всех сил попыталась вытянуть увязшую в трясине ногу. Закричала от боли. Ногу удалось выдернуть, но без сапога. Элина стояла в болоте в одном шерстяном носке на правой ноге. Болото жадно всосало сапог в свою утробу.

Тормоз на катушке завизжал, и леска стала разматываться. Щука устремила в заросли хвоща.

Элина качнулась вперед, за ней. Однако рыба была на пол-оборота впереди. Леска коснулась зарослей и заскользила по стеблям, рыба продолжала тянуть. Элина подняла спиннинг как можно выше. Леска прошла над передними стеблями, но дальше заросли хвоща поднимались все выше, и леска лишь слегка пригибала стебли, стоявшие единой прочной стеной. Элина прыгнула. Болото отозвалось вскриком. Прыжок был ошибкой, потому что щуке передалось судорожное движение, и она рванула вперед, совершив полный круг вокруг зарослей хвоща. Больше ничего нельзя было сделать. Леска, обмотавшаяся вокруг препятствия, не поддавалась и в то же время не позволяла рыбе двигаться дальше. Щука начала метаться. Элина на другом конце лески снова дернула и потянула снасть. Хвощ лишь колыхался. Щука продолжала вертеться и биться. И леска не выдержала. Порвалась.

Элина сразу повернулась спиной к озеру. Не стала даже искать свой сапог. Она все это заслужила.

Повернулась и зашагала домой, хромя и тяжело ступая. Ее правая нога горела. Шерстяной носок омерзительно хлюпал. Вокруг вилась беспросветная туча насекомых. Элина чувствовала себя отвратительно.

Дома она сняла мокрую одежду, отнесла ее в котельную, развесила вещи на веревке. Шерстяной носок бросила в мусорное ведро. Осторожно сняла повязку. Бесчувственный распухший палец пульсировал. Она выбросила скотч в мусор и отправилась в душ. Вода еле сочилась из лейки. Элина смотрела на свой изувеченный палец и обтекавшую его струйку воды. На кровь и грязь, на мертвых комаров.

Вытерлась и взглянула на себя в зеркало. Лицо покрывали воспаленные страшные волдыри. Они станут еще страшнее, когда белки, впрыснутые насекомыми при укусах, сделают свое дело.

– Лучше гнуться, чем сломаться, – сказала Элина своему отражению.

И засмеялась. Она всегда терпеть не могла поговорки. Но сейчас это не имело значения – день только начался, а она уже смертельно устала.

Именно такие мучения ей и нужны. Она старалась почувствовать благодарность за них.

Элина дохромала до кухни и включила радио. Диктор сказал, что необычная жара в Лапландии продолжится, а кроме того, ожидаются свирепые ураганы. Элина снова заклеила палец. Обследовала шкафы, отставила в сторону пакеты с мукой и банки, нашла сладкие сухари с корицей. Срок их годности истек в прошлом году. Элина попробовала один сухарь на зуб. Он был твердым, как камень. Положила сухарь в рот, как леденец. Сосала его, извлекая сладость и сидя на том же стуле, что и утром. Слушала радио. Там рассказывали про разные страшные погодные явления и верные признаки конца света.

Элина подумала, что самое время отправиться по магазинам.
Ей надо было купить новую леску у Кейо и каких-нибудь продуктов у Хеты.

2

Элина поехала в деревню. Путь пролегал мимо старых домов, стоявших на берегу реки. Их построили после войны⁴ на тех же фундаментах, что и прежние, сгоревшие, дома. В каждом дворе была клетка, в которой лаяла собака, конюшня, амбар и сауна. На крышах хозяйственных построек виднелись сделанные из сетки приспособления для сушки мяса.

Была уже вторая половина дня, и река ослепительно блестела на солнце. Элина переехала мост и свернула на главную улицу деревни. Здесь находилось два магазина – кооперативный продовольственный и товары для рыбалки. Во двор рыболовного магазина Элина первым делом и заехала. Магазин назывался «Блесна», а владел им Кейо. Однажды из Сомеро явился какой-то мужик, который открыл в деревне свой магазин рыболовных товаров. Но конкуренции не выдержал – все ходили только к Кейо.

Во дворе магазина Элина ненадолго осталась в машине, чтобы собраться с силами. Перед ней в уголке ветрового стекла сидел одинокий слепень, упершись передними лапками о прозрачную поверхность и готовый сдать на милость победителя. Наверное, ему представлялось, что он оказался на Луне. Вокруг – серая поверхность и отсутствие кислорода.

В боковое стекло постучали. Элина вздрогнула.

К окну, пытаясь рассмотреть, что внутри, приник Симо-Говнолюб. В руке у него был спил бревна, к которому Симо приклеил шишки, камешки, деревянные бусины и кусочки лишайника. Получилось лицо какого-то мужичка. По губам Симо можно было понять, что он бормочет: «Купи».

Элина вышла из машины, положила руку старику на плечо и спросила, как дела. «Говенный Дед», – промычал Симо, протягивая ей свою поделку. Элина помотала головой, сказала: «Увидимся позже» – и зашла в магазин.

За прилавком на табурете сидел Кейо и выгибал плоскогубцами лопасть на воблере. «Самого черта хер», – выругался он на непослушную деталь.

Стены магазинчика украшали высушенные головы щук и лососей, под потолком раскинулась старая рыбацкая сеть. В помещении было несколько столов с разложенными на них оленьими черепами. На одном примостилось чучело лисы, увешанное блеснами, а рядом на полу стояла орудийная гильза, в которую поместилась бы целая рука. Из гильзы торчали пластмассовые подсолнухи.

⁴ Имеется в виду Лапландская война – боевые действия между Финляндией и Германией в сентябре 1944 – апреле 1945 г. после подписания Финляндией перемирия с Советским Союзом.

Элина посещала этот магазин ежегодно, и каждый раз здесь появлялось все больше всякой всячины, а рыболовных товаров становилось все меньше. Внутри было жарко. На прилавках стояли вентиляторы, трещащие на максимальной мощности. Они медленно поворачивались из стороны в сторону, словно радары, а извергаемые ими потоки воздуха раскачивали развешанные повсюду блесны, которые позвякивали на своих крючках.

– Здравствуйте, – сказала она.

Кейо поднял глаза и посмотрел на посетительницу.

– Смотри-ка.

– Как дела, Кейо?

– Да что. Какие тут дела.

Элина принялась рассматривать товар, размещенный на ближайшей вращающейся стойке. Мормышки, крючки, кольца и вертлюжки для крепления блесен. Она повернула стойку. С другой стороны висели блестящие сорокасантиметровые стальные и черные пятнадцатисантиметровые титановые поводки, упакованные по три штуки. Титановые были дороже.

Она взяла одну упаковку дорогих и положила на прилавок.

Кейо глянул на коробочку и перевел взгляд обратно на свою поделку.

– Еще что-нибудь?

– Новую леску.

– Во как.

– «Плетенка» есть?

Кейо перевернул свой воблер.

– У нас тутова только монофильная.

– Ну, ее тогда.

– Толщина?

– Скажем, нольпятнадцатую.

Кейо опустил руки на колени и уставился на Элину.

– Это к чему тебе такая?

– На щуку пойду.

– Голова-то есть?

Элина засмеялась, но Кейо смотрел на нее серьезно. Позвякивали блесны.

– Ну, тогда двадцатку.

Кейо продолжил возиться с воблером.

– Скажи-ка мне, – пробормотал он и, подняв воблер, уставился в его нарисованные глаза, как будто обращался к нему, а не к Элине, – ты, когда по нужде-то ходишь, в горшок башку суешь?

– Я не помню все эти размеры. И вообще-то тороплюсь.

Кейо продолжал заниматься воблером, как будто был тут вообще ни при чем.

– Давайте тридцатку, – сказала Элина.

– Когда ты идешь за этой самой щукой, – заговорил Кейо, – то бросаешь удилице в воду, а сама держишься за крючок?

Элина тяжело вздохнула.

– Что тут непонятного!

– Рыбак знает. Или рыбачка.

– Ну, дайте какую-нибудь...

– И ты уверена, что тебе именно эти поводки нужны?

– А что не так?

– Просто подумал.

– Уверена. Насчет лески...

– Там и сорокасантиметровые есть.

– Что?

– Поводки-то. Эти-то поводки больше на окуня. Я так понял, ты на щуку собралась.

– Я не люблю длинные. Блесна не так играет.

Кейо поднял плоскогубцы.

– «Эти, – ехидно передразнил он. – Блесна не так играет».

– Послушайте, мне, может, в Соданкюля за леской съездить?

Кейо вскочил и проорал:

– Незачем к этим оленеводам ехать, здесь все найдется!

Он взял с полки из-за спины двухсотметровую бобину монофильной лески «Абу», толщиной 0,30 миллиметров, и шваркнул ее на стол. Набрал сумму на кассовом аппарате и проормотал:

– В Соданкюля... они там таким говном торгуют, прости господи. «Рени»...

– Это тоже хорошая леска.

– Ну и говно же эта «Рени», прости господи.

– Я так думала, что говно как раз «Абу», которая у меня порвалась. У вас покупала.

– Я когда мальчишкой был, лески вообще еще не придумали.

– Вот как.

– И блесен.

– Ясно-понятно!

Указательный палец Кейо повис над кассовым аппаратом.

– В ту пору как делали – привязывали проволоку стальную к концу палки.

Элина взглянула на указательный палец Кейо. Ей хотелось, чтобы палец наконец уже начал двигаться. И он действительно пришел в движение, только в противоположную от кассы сторону, и Элина издала сдавленный стон, а Кейо отправился за прилавок и принялся размахивать руками, как будто держал невидимую палку. Затем он стал крадучись обходить магазин.

– Иска ли неглубокий залив, – прошептал он, сгорбившись и огибая Элину. – Искали, где на солнышке греется щука... вона! – Кейо указал на стойку с джиговыми приманками. – Подбирались поближе. – Кейо переместился к стойке и вытянул вперед свою невидимую палку. – Подводили петлю так, чтобы она была вокруг щуки, и резко дергали. Вот так! – Кейо взмахнул рукой. – Иногда щуку перерезало пополам. Бывалоча с братьями во все лето щук таскали. Потом ее на раскаленную сковородку – шварк, и ели пока она даже и не стоговится толком. Терпения не хватало.

Кейо оперся на стол и улыбнулся своим воспоминаниям.

– А потом глистами срали, лентецами.

Элина достала бумажник, извлекла из него купюры и монеты на нужную сумму, составила пирамидкой мелочь на столе. Запихнула бобину с леской и упаковку с поводками в набедренный карман штанов и направилась к двери.

– Спасибо.

– Скажи-ка, – окликнул ее Кейо, когда Элина уже открыла дверь и вышла на улицу.

Она обернулась и заглянула в помещение. Оно казалось темным и маленьким. Кейо стоял у прилавка, похожий на тролля, которому нельзя покидать свою пещеру.

– Ты зачем сюда приехала-то?

– То есть?

– Ну сюда, в деревню. У тебя же тут больше нет ничего.

– У меня здесь дом.

– Это же теперь дом Сова?

– Это мой дом.

– И всегда ведь в одно и то же время приезжаешь. У тебя, что ли, отпуск в это время?

– Я и в другое время приезжаю. Просто вы меня не видели. Спасибо и до свидания!

Элина стала спускаться по лесенке.

– Да уж я бы узнал, коли приехала бы. Давай!

Элина остановилась на ступеньках. Солнце нещадно жарило ей шею, которая уже покраснела и стала болеть. Она придерживала дверь открытой, не решаясь захлопнуть. Случайный прохожий мог бы вообразить, что тут взяли заложников и Элина пытается вести переговоры с засевшими внутри вымогателями.

– Еще чего-нибудь купи, – сказал Кейо.

– Э-э?..

– Новые мушки⁵.

– Мне не надо.

– Для профессора. Цвета – закачаешься...

Элина захлопнула дверь, села в машину и поехала за продуктами.

Кооперативный магазин в Вуопио представлял собой двухэтажное здание в центре деревни в сотне метров от «Блесны» на той же стороне улицы.

Элина поднялась по выкрашенной красной краской лестнице, погладила знакомое перильце и вошла. Громко брякнул колокольчик.

– Здравствуйте, – сказала Хета. В следующий момент она узнала посетительницу. – Неужели Элина?

– Здравствуйте, – ответила Элина и изобразила на лице улыбку. – Снова тут.

– Я никак привыкнуть не могу, что ты такая взрослая.

– Да уж сколько лет.

– Когда-то ты совсем маленькой была.

– Да.

– Не раз и не два я за тобой в Юлияакко, дома у тебя, присматривала-то.

– Да.

– И на ручках-то ты у меня сживала, и в игры-то я с тобой играла-то, и кашкой-то с ложечки кормила. Ты-то помнишь сама?

– Да. У вас найдется что-нибудь на бутерброд положить?

– Да откуда-то тут взяться-то.

Элина обвела взглядом набитые товаром полки. Посмотрела на Хету, которая улыбалась и смотрела на нее единственным зрячим глазом так, словно Элине все еще три года и она спрашивает, можно ли поиграть ножичком.

Элина почесала в затылке.

– Как это нет ничего? Вон, ветчина вроде.

– Вареная колбаска есть, и ветчинная, «Готлер», но ничего вашего, с Юга-то, нету.

– И не надо ничего с Юга. Грамм двести вареной.

– Во как, значит, и наша тебе сгодится.

– Всегда она мне годилась.

– Да уж знаю-знаю я, вам бы такую подавай, чтобы тонюсенькая была, да в меду маринованная.

– Кому это «вам»?

– Южанам.

– Слушайте, я не...

– Да ладно, дразнюся я просто... Ну так чего хочешь-то?

– Вареной двести граммов, пачку сосисок и упаковку фильтров для кофеварки, у меня вроде кончились.

---

⁵ Мушка – рыболовная приманка на хищную рыбу для ловли нахлыстом и на спиннинг.

Хета собрала продукты на прилавок. Вытянула снизу полиэтиленовый пакет, уложила в него провизию и принялась вспоминать, как Элина пятилетней еще была, да убежала и Хета ее догоняла. И вот они носились по покосу, как лиса и заяц. Элина припустила так, что у Хеты чуть инфаркт не приключился, но в конце концов она Элину поймала и устроила ей головомойку. Хета сказала, что Элина всегда была упрямой, замкнутой и странной девочкой, так же как ее мать всегда была упрямой, замкнутой и странной женщиной. И возможно, именно поэтому Хета всегда так сильно любила Элину.

– Тяжеленько мне было, когда мать твоя померла, – сказала Хета.

Казалось, она вот-вот заплачет, но, сделав над собой усилие, взяла себя в руки. Ребенком Элина спрашивала у Хеты, что случилось со вторым ее глазом. Хета говорила, что спрятала его в Юлиякко в потайное место, откуда глаз может следить за Элиной, когда сама Хета отлучилась. От этого Элине снились кошмары, будто она просыпается среди ночи, а глаз Хеты, размером с футбольный мяч, устроился на одеяле перед ней и смотрит на нее.

– Хорошо, что в родную деревню-то приезжаешь, – сказала Хета. – Присматриваешь за домом и за Совой. У него тоже приятелей не много. Все его считают полным идиотом, а как по мне, так он всегда славный был.

– Да.

Хета приподняла на пакете ручки и подвинула его к Элине.

– А на Ям-озеро-то не ходила?

Элина взялась за пакет.

– А что?

– Не надо туда ходить-то.

Элина хотела было снять пакет с прилавка, но Хета крепко его держала.

– Хорошим это не кончится, – сказала она. – Опасное место.

– Что ж, опаснее других, что ли?

Элина снова потянула пакет на себя. Хета продолжала крепко его держать. На лице ее застыла улыбка – извиняющаяся и страшная одновременно.

– Не ходи туда, – повторила Хета.

Элина пожала плечами.

– Не обижайся, конечно, но выглядишь ты просто жутко, – сказала Хета. – Все лицо поедено. Уже ходила туда, как я погляжу, а?

– Что за допрос-то?

– Это необычная щука.

Элине захотелось выйти из магазина, немедленно, и она с силой потянула пакет к себе. Зазвенел колокольчик, дверь распахнулась, в магазин вошел Эско и заорал: «Здра-а-астя!»

Эско был фермером, выращивал репу, жил на другой стороне улицы. К его синему рабочему комбинезону пристали опилки. Эско остановился на пороге. Посмотрел на Хету, на Элину. На пакет, стоявший на прилавке между ними, который обе крепко держали, словно общий подарок, который долго готовили. Хета выпустила пакет из рук. Элина придвинула его к себе. Хета вытерла руки о передник и поздоровалась.

– Так-так, – сказал Эско.

– Привет, – отозвалась Элина.

– Кажется, я вам помешал.

Хета взмахнула рукой:

– Чего тебе, Эско?

– Соль морскую, – ответил Эско, но остался стоять на месте.

– Ладно, я пошла, – сказала Элина.

– Подожди, – Хета взяла с полки пакет соли и в сердцах бросила его на прилавок. – Вот! Эско стоял в дверях, как усомнившаяся норка перед капканом.

– Не хотел вам мешать, – сказал Эско.

Хета помотала головой:

– Ты никому не помешал. Вот, значит, морская соль-то.

– Ага, – буркнул Эско и направился к прилавку.

– Как у тебя, Эско, строительство забора продвигается?

– На финишной прямой. Но пора завязывать с этим делом, ураган надвигается.

Хета попыталась пригвоздить Элину взглядом на месте, но та уже была в дверях. Эско протянул монеты Хете, которая на него даже не посмотрела. Она выскочила из-за прилавка и крикнула:

– Эта щука непростая, слышишь!

Элина открыла дверь и, сойдя по ступенькам, направилась к машине. Хета кинулась за ней на лестницу.

– Стой! – крикнула Хета.

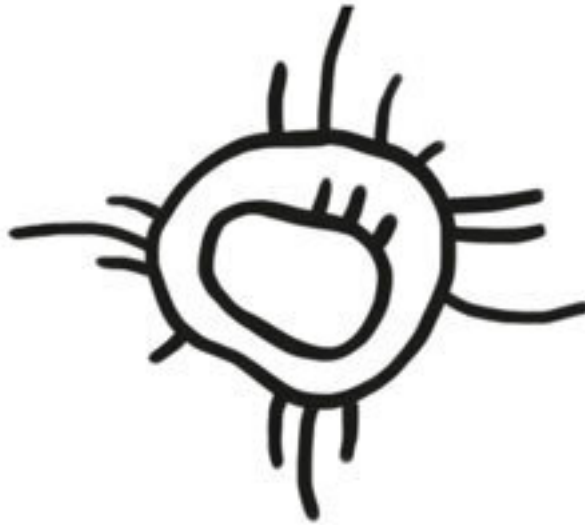
Элина бросила пакет на переднее сиденье. Посмотрела на юго-запад. Там набухала толстая черная туча, по цвету напоминавшая пригоревшую рисовую кашу.

Элина села в машину, захлопнула дверцу и завела двигатель. Хета все еще стояла на лестнице. Эско застыл у нее за ее спиной, вытянув шею. Элина надавила на педаль газа. Даже сквозь хруст гравия и вой мотора она слышала, как Хета кричала: «Больше никогда не ходи туда!»

Элина села на ступеньках перед крыльцом и в компании комаров принялась наматывать на катушку новую леску. За болотом показался мрачный темно-серый край грозового фронта.

В ее распоряжении оставалось меньше часа.

3

Элина размашисто шла по болоту в старых резиновых сапогах Сова, которые были ей велики, несмотря на то что она надела по две пары толстых шерстяных носков.

Там, где Элина проходила утром, во мху осталась заполненная водой тропка. В голове у Элины крутились мысли о щуке. Как та себя чувствует и по-прежнему ли готова клонуть на наживку или умерла, и как это отразится на ней, Элине?

В небе парил канюк. Возможно, это был знак беды.

Элина успела добраться до озера до того, как туча заполнила все небо. Она отцепила от кольца на спиннинге крючок девятисантиметрового воблера «рапала», сдвинула стопор на катушке вниз, отвела удилище назад и приготовилась забросить.

В этот момент на другой стороне озера показался водяной.

Водяной медленно поднимался со дна, словно древний памятник, с которого стекала вода. Он был красив, как греческий бог. Элина знала, что водяной принимает образ мужчины, женщины или андрогина в зависимости от того, кого он хочет прельстить. Все, кто имел неосторожность заглянуть ему в глаза, терялись в них, а некоторые влюблялись, и потом сразу же бросались в воду – навстречу водяному, и тонули.

Элина опустила спиннинг и посмотрела на водяного, пытаясь распознать его истинный облик, скрытый за обманчивой личиной.

Она сказала:

– Что ты тут делаешь? Эта лужа тебе не по чину. Водяной пальцем стер грязь со щеки.

– Уж ты-то знаешь мои предпочтения.

Голос у него был глубокий и звучный, как у певца.

– Сама-то ты здесь по какой надобности? – спросил водяной.

– Как думаешь?

Элина забросила спиннинг. Воблер упал в метре от водяного, словно детская игрушка для ванны. Водяной с интересом наблюдал за тем, как плавает приманка. На поверхности воды не было никаких признаков, что в этой жиже кто-то живет.

Из воды высовывались только голова и плечи водяного. Элина не могла себе представить, как в таком мелком водоеме могло помещаться его тело.

– Странное время для рыбалки, – сказал водяной.

Он пристально посмотрел на небо, серое и затянутое тучами, предвещавшими дождь, о котором еще долго будут вспоминать.

Элина ничего не ответила и снова забросила воблер.

И щука его схватила. Она выплыла из зарослей, глубоко заглотила крючок и потянула. Рыбина снова была полна сил, но зато Элина вооружилась новой леской. Она принялась крутить катушку, подтягивая щуку к берегу. Рыба упиралась, но ее сопротивление не имело никакого значения.

Слова водяного, обращенные к щуке, напротив, значение имели.

– Не сдавайся.

Щука не ограничилась крючком и принялась заглатывать воблер. Она широко раскрыла пасть и сначала захватила приманку до половины, а потом и полностью проглотила ее. Элина стала крутить катушку быстрее. Она пыталась держать леску в натяг, но щука никак не соглашалась уgomониться. Рванула вперед и заглотила уже поводок. Теперь смертельная приманка со своими крючками находилась у рыбы внутри. Зубы щуки достигли голой лески, сомкнулись на ней – «напс!» – и в третий раз за день щука удрала и скрылась в бурой озерной жиже.

Элина стояла на берегу в полном потрясении. Водяной засмеялся и принялся восторженно хлопать в ладоши, как на премьере спектакля. Он стал водить рукой под водой, словно искал упавший в ванну кусок мыла. Наконец что-то нащупал и вытащил из воды. Он держал в руках щуку, ее, Элинину щуку, сжимал ее своими тонкими пальцами.

– Дай сюда, – сказала Элина.

Водяной не обратил на эти слова никакого внимания. Он разговаривал со щукой, которая была уже на пороге смерти, готовая покинуть этот мир. Крючки воблера повредили ей внутренности. Из пасти и из-под жаберных крышек текла кровь. Красные царапины на боках, словно молдинги на машине. Блестящие глаза, похожие на странные, щедро смазанные маслом человекоподобные механизмы. Водяной неспешно снял со щучьей губы старый воблер и «крокодила» и положил их на берег озера.

Затем он засунул свой длинный и тонкий палец в пасть щуке.

– Что ты собираешься делать?

Рыба задрожала. Элина была уверена, что та испустит дух, но водяной спокойно ковырялся у щуки в утробе. Вытащил еще один воблер, покрытый слизью. На крючках не было никаких внутренностей. Элина протянула руку.

– Она мне нужна, – сказала Элина. – Щука.

Водяной положил третью приманку рядом с двумя предыдущими. Затем он стал что-то говорить щуке, гладил ее, смывал кровь с боков и пасти. Обращался с ней словно обитающий в воде Иисус, облаченный в ил. И смотри-ка: кровотечение прекратилось. Рыба ожила. Водяной двумя руками осторожно погрузил щуку в озеро.

– Ты можешь меня, наконец, выслушать?

Водяной отпустил рыбу. И она поплыла. Вильнула хвостом и исчезла.

– Да черт тебя подери!

Водяной ухмыльнулся. Открыл рот и засмеялся. Поднялся ветер. Вместе с ветром из-за леса приползли черные тучи. Они заволокли солнце. В наступивших сумерках озеро и водяной стали сливаться в единое целое. Элина повернулась и пошла прочь. Ей не нужно было даже смотреть, она и так знала, что на месте озера теперь была черная дыра, проход в другой мир.

4

Выдерну все вилки из розеток, за исключением морозильной камеры, Элина сидела в полутемной кухне. По двору гулял сильный ветер. Элина наблюдала за тем, как неутомимый дрозд выискивал на земле пропитание. Смерч подхватил дрозда и понес его по берегу вниз.

В такую погоду потоки энергии, живые существа и мысли путешествуют между мирами. Об этом знали еще наши предки, и это знание было таким же естественным, как и умение строить из бревен или рецепт изготовления пороха.

Пошел дождь. Вода хлынула тяжелым водопадом, а ветер дул почти параллельно земле, бросая капли, словно пули, в стены, окна и крышу.

Ее мать родилась как раз во время такой бури.

Элина вглядывалась в дождь минут десять. Потом во дворе показалась темная фигура. Она материализовалась в проеме дверей хлева. Фигура имела форму конуса; как привидение, она быстро пересекла двор и направилась к дому. У Элины все тело покрылось мурашками. Наклонив голову, она следила за перемещениями этого непонятного существа, пока оно не скрылось за торцом дома. Там, где располагалась дверь. Топотание по лестнице перед крыльцом. Как быть? Что предпринять? Элина услышала, как открылась и захлопнулась дверь. Шум в прихожей. Девушка успела только привстать, как дверь в кухню отворилась и перед ней уже стоял Сова, закутанный в плащ.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Они внимательно посмотрели друг на друга.

– Что-то случилось? – спросил Сова.

– Нет. С чего ты взял?

– Ты как будто взлетать собралась.

Элина уселась на место. Сердце выпрыгивало из груди.

– Не здесь во всяком случае. Немного испугалась.

– Могу тебе сказать, что там, на улице, нет ничего, кроме очень мокрой воды.

Сова отнес свой рюкзак и плащ в котельную. Затем вернулся на кухню, сел напротив Элины и спросил, как дела.

– Не поймала щуку сегодня.

– Вот, значит, как. И в чем же дело?

Элина открыла было рот, но не знала, с чего начать. Помотала головой.

На Сове была красная рубашка из грубой фланели, походные брюки и ремень, на котором висел нож в ножнах. Они с Элиной уставились во двор. Ураганный ветер рвал из земли осины и березы.

– У тебя тут весь свет отключен, что ли? – спросил Сова.

– Ага.

Сова встал, достал из шкафа свечу и поставил ее на стол. Запалил от зажигалки. Они сидели по разные стороны стола, вперившись глазами в темноту оконного стекла, где пламя повторялось чередой желтых огоньков, уходящих вдаль.

– Ужинать будешь? – спросил Сова.

Элина рисовала завитушки на пустом конверте.

– Можно.

Сова достал из холодильника почищенную щуку и положил ее рядом с газовой плиткой. Вынул из сушилки сковородку и миску, нарезал рыбу. За окном сверкнуло. Он отрезал толстый кусок масла, бросил его на сковородку и поставил сковородку на плиту. Раздался гром. Сова разбил в глубокую тарелку два яйца и переболтал их вилкой. В другую тарелку насыпал панировочных сухарей, с которыми смешал соль. Сначала смочил куски щуки в яйце, потом обвалил в сухарях. Масло затрещало на сковородке. Лопаточкой он опустил в него куски щуки.

Элина втянула в себя запах масла и рыбы.

– Похоже, ты ничего не ела сегодня, – сказал Сова.

Перевернул куски рыбы и уменьшил огонь. Накрыл сковородку крышкой. Достал из шкафа тарелки, вилки, ножи и аккуратно разложил на столе, как в хорошем ресторане. Среднюю часть щуки переложил себе на тарелку. Элине достались куски с хвоста, потому что она любила именно их.

Они сидели за столом и чинно ужинали при свете свечи. Над домом бушевала гроза, пытаясь утащить за собой как можно больше всего. Она срывала цветы и ломала ветки; схватив кусок пенопласта и лейку, кружа, протащила их по двору. Сова огорченно проследил взглядом за лейкой и постарался запомнить, куда ее отнесло.

– Я искала спиннинг с безынерционной катушкой, – сказала Элина.

Сова извлек косточку из промежутка между зубами и положил ее на край тарелки.

– Осы гнездо затеяли строить под потолком на крылечке. Ткнул им спиннингом в гнездо, он и сломался.

– Другой палки не нашлось, конечно.

– Эта под рукой была.

– Ясное дело.

– Пожалуй, немного глупо получилось. Ну, ты ведь старый-то нашла?

– Да.

Элина стала рассказывать о своей неудаче на озере. Сова слушал. Иногда смеялся, история была дурацкая.

Когда Элина рассказала про водяного, Сова удивился.

– И что ему там делать?

– Не знаю.

Считалось, что водяной презирает болото с его мутными глазами-озерами. Водяной любит чистую, прозрачную воду. Видели, как повелитель вод грязным поднимался со дна озера на поверхность, выплевывая рдест и прочую водную растительность, и проклинал крестьян за то, что из-за их удобрений в озере размножаются водоросли и портят его обиталище.

Водяной – существо злопамятное. Стоит пахарю оставить свой трактор слишком близко от берега, водяной ночью вылезет из воды, заберется в кабину и загонит трактор в реку.

Купальщиков водяной щекочет за пятки. У рыболовов крадет червей с крючка да вдобавок еще и сами крючки распрямляет. А в «морды», ловушки для рыбы, наваливает доверху

каменной – их без лебедки потом и не вытащить. Самое неприятное случилось с рыбаками, которые промышляют сетями. Водяной выбрасывал их из лодки и крутил-вертел так, что они сами оказывались печальной добычей в своих же собственных тенётах.

Иногда у кого-нибудь из деревенских терпение лопалось, и горемыка пытался стрелять в водяного из ружья. Разумеется, не попадал, а после этого остальные жители деревни снимали шапки и с грустью смотрели на стрелка, поскольку знали, что этому несчастному не суждено дожить до ближайшего Рождества.

Сова переложил вилку и нож на тарелке в другом порядке, в то же время пытаясь упорядочить и мысли в голове.

– Сдается мне, тебе эта щука сильно в охотку.

– Да.

– А что, если водяной это озерцо для себя приглядел. Тогда ты опасное дело затеяла.

– Ничего, справлюсь.

– Кто бы сомневался.

За окном по-прежнему бушевала гроза. За хлевом небо расколосось надвое, словно выкрашенный берлинской лазурью холст, на котором художник протянул сверху донизу линию блестящей белой краской. Вспышка озарила двор, превратив его в моментальное фото. Затем наступил непроглядный мрак. Дом содрогнулся от грохота, как будто в него влетел скорый поезд. Столовые приборы зазвенели на тарелках, стекла в окнах задрожали, и Элина с Совой схватились за край стола, словно испугавшись, что их подбросит в воздух.

– Вот черт, прости господи, – сказал Сова.

С неба посыпался град. Градины, размером с ласточкино яйцо, принялись прибавать к земле все, что устояло под дождем, – розы и ревень. Белые ледышки скакали среди травы и собирались в углублениях. Потом заряд града иссяк.

Они смотрели во двор и думали, какая стихия обрушится на них дальше. Снова пошел дождь.

– А с чего ты такая смурная, расскажи, – нарушил молчание Сова.

Элина не ответила.

– Может, полегчало бы.

– Может.

– Ну как знаешь.

Элина продолжила рисовать завитушки.

– К Аско с Эфраимом уже заглянула? – спросил Сова.

– Не было времени.

– Может, и хорошо. Что не было.

– Ну.

– У Аско с памятью совсем неважно.

– Ага, – сказала Элина. – А ты надолго уходил?

– Да на одну ночь всего. За Юрмусярви⁶, посмотреть, гнездится ли там тетеревиный.

– И как?

– Нашел одно гнездо.

– Я видела Симо-Говнолюба у рыболовного магазина.

– И что он?

– Говенных Дедов продавал.

Сова засмеялся.

– Я думала, он помер, – сказала Элина.

– С чего ему помирать. Знаешь, откуда у него такое имечко-то?

---

⁶ Юрмусярви – озеро.

– Не знаю.

Сова сообщил, что на самом деле Симо-Говнолюба зовут Юсси. Как Юсси превратился в Симо, этого Сова не ведал. Но прозвище возникло так. Когда-то Юсси чистил в деревне выгребные ямы. Трактором привозил ассенизаторскую цистерну во двор, опускал шланг в канализационный колодец и включал насос. Фекалии потом вывозил на свои поля. Однажды случилось непредвиденное – шланг застрял в выгребной яме. Юсси подвинул тяжелый люк, чтобы получше было видно, но тут случилось несчастье – он свалился прямо в яму вниз головой. Барахтаясь в зловонной жиже, Юсси понял, что именно было не так со шлангом. На дне выгребной ямы сидел Дед, двумя руками державший шланг за конец. Когда Дед увидел Юсси, он отпустил шланг, вцепился в Юсси и стал таскать его за волосы и возмущаться, почему люди не поклоняются богу говна – Говенному Деду. От такой взбучки у Юсси глаза полезли из орбит. Он сказал, что в деревне люди не знают, что у говна есть свой бог. Говенный Дед обиделся и взялся за Юсси с новым рвением. Три дня и три ночи парочка мутузила друг друга в выгребной яме.

В конце концов Юсси удалось схватить Говенного Деда за горло и вытянуть из него обещание отпустить его, Юсси, обратно к людям. Так и случилось. Когда Юсси выбрался из выгребной ямы, от него так воняло, что птицы за сто метров вокруг падали с ветвей замертво. Юсси покончил со своей ассенизаторской деятельностью, начал пить и мастерить изображения Говенного Деда. С той поры Юсси и прозвали Симо-Говнолюбом, а сроку тем событиям уже сорок лет.

– Не может быть, – удивилась Элина.

– В мире и не такое случается.

Элина сказала, что и у нее есть пара баек.

Первая история была такая. Тридцать лет назад отцу Элины, Кауко Юлиякко, осточертели коровы и их глупые морды. Не откладывая в долгий ящик, он позвонил Аско, и в тот же вечер Аско забрал коров и отвез их на бойню.

Отец превратил хлев в цех по разделке лосей, добытых местными охотниками. Сразу, как только сошел снег, из деревни пришли рабочие, которые сорвали в хлеву доски с пола и залили новый пол из бетона, чтобы с него легче было смывать кровь. Они подвесили под потолком балки и крюки, на которых первые лосиные туши заняли свое место уже следующей осенью.

Через открытую дверь Элина смотрела, как мужики ножами свежуют лося. Иногда они брались за шкуру двумя руками и тянули. Тогда раздавался такой же звук, как от половика, забытого на снегу, когда его отрывают от наста.

Однажды осенним утром из леса явился тарарам. Он сорвал в хлеву двери и принялся закидывать туши лосей себе на плечи.

Мама видела, как двери улетели в небо. Она побежала во двор, подошла к тарараму и сказала, что чужим нельзя брать лосей. Тарарам спросил у мамы, как она предлагает решить это дело. Мама ответила, что тарарам сможет забрать лосей, если победит ее в перетягивании пальцев.

Тарарам удивленно посмотрел на мать. Он поднял свой палец толщиной с нее, затем опять взглянул на маму, потом снова на свой палец и принялся хохотать. Он смеялся так, что лоси попадали с его плеч. Тарарам смеялся до упаду, а упав, перекатывался на спине с боку на бок и продолжал хохотать, и в конце концов у него лопнул живот.

Но в этом не было ничего удивительного, потому что насмешить тарарама до смерти было испытанным приемом, чтобы совладать с ним.

Когда двери хлева извлекли из-под берега, куда они улетели, а мертвого тарарама оттащили трактором в лес на радость полосатонугу, Элина спросила у мамы, как она совсем-совсем не испугалась огромного тарарама. Тогда мама в свою очередь задала Элине вопрос, как тара-

рам убивает человека? Кулаком, ответила Элина. Да, сказала мама. Он бьет так сильно, что человек просто расплющивается в блин. И даже почти не успевает испытать мучений.

Во второй истории речь шла о том, как Элина впервые одна пошла в лес. Это ей строго-настрого запрещали. В лесу было тихо и скучно. Элине гулять не понравилось, и она вернулась во двор. Лишь там она заметила, что за ней увязался воблин. Элина забежала в дом и из окна кухни стала наблюдать за воблином. Тот бродил по двору из стороны в сторону, шатаясь, словно пьяный. Затем взял сосновую ветку и принялся скрести ею по стене хлева.

Элина пошла сказать отцу, который в это время перебирал чернику, что у них во дворе воблин, и спросила, можно ли оставить его себе. Папа бросился к окну. Затем выскочил на улицу, страшно заорал и принялся кидать в воблина камнями, которые подбирал с земли. Воблин прикрыл морду волосатой рукой, закричал и убежал обратно в лес.

– Почему ты так сделал? – спросила Элина в слезах.

– Воблины и люди не должны жить вместе, – ответил отец.

И потом рассказал об Эльвире. Ее единственный сын упал в колодец и утонул. Эльвира приютила воблина. Она одела его в штанишки своего сына, на ночь укладывала спать в кровать, а днем гуляла с ним по деревне. Эльвира учила воблина говорить людям «здравствуйте», и в конце концов тот научился произносить «здарусити». Эльвира была ужасно горда, когда воблин поздоровался с начальником сельской полиции, Ауво Пасма, но это приветствие в восторг Ауво не привело. Напротив, он очень рассердился и сказал Эльвире, что воблина надо отдать собакам на растерзание или пристрелить и что одевать такую лесную нечисть как человека и держать его за ребенка – дело безбожное. Эльвира замкнулась и больше не появлялась на людях. Никто не видел Эльвиру и воблина целую неделю, пока воблин сам не явился в продуктовый магазин в Эльвирином платье и не указал на батон колбасы. Почувывая недоброе Хета дала колбасу воблину, и тот положил на прилавок марку и две еловые шишки. Затем воблин с довольным видом вышел из магазина, путаясь ногами в подоле Эльвириного платья. Хета позвонила Эско, жившему на другой стороне улицы. Тот взял ружье и пристрелил воблина прямо во дворе магазина. Эльвиру нашли дома задушенной в собственной постели.

Сова улыбнулся, потому что хорошо знал эти истории.

– О таком давно уже не слыхивали, – сказал Сова. – Тарарамов лет десять как не видать. Полосатонога и того больше, да и воблинов поубавилось. Это потому, что теперь лето год от года теплее.

Сова был родом не из Вуопио. Он приехал в деревню с Юга еще до рождения Элины. Сначала Сова нанялся разнорабочим на лесопилку, потом какое-то время разносил почту. Наконец он устроился завхозом в поликлинику. С этой должности и ушел на пенсию шесть лет назад. Сову считали прибабахнутым, потому что он увлеченно рассказывал о птицах, но при этом даже не состоял в обществе охотников. Элина считала, что Сове лет семьдесят. Но точно сказать было невозможно. Жизнь здорово поработала над его внешностью, не оставив ни одного нетронутого места на теле, которое при этом являло собой резкий контраст с лицом не имеющего возраста старца. Сова был тощим, как ласка, а его движения отличались быстротой и точностью. Элина никогда не видела, чтобы Сова пользовался очками. Он мог показать на невидимую точку в кроне далеко стоящей сосны и определить, что это горихвостка, или по бирке в ухе оленя, пасущегося на расстоянии в сотню метров, назвать его владельца. С Совой можно было бы поспорить, если бы, глянув в бинокль, Элина всякий раз не убеждалась в его правоте.

Сова говорил на местном диалекте как на родном языке, а умел вообще все. Это лишний раз подтверждало, что он приезжий – коренные жители знали только свое дело. Оленеводы умели заниматься оленями, охотники – добычей лосей, и редкий житель деревни вообще когда-нибудь слышал о горихвостке. Лишь те, кто прибывал сюда, на север, на поезде, выучивались всему, поскольку не были уверены, что могут считать эту землю своей, и такая неуверенность сопровождала их до самой могилы.

Утихли гром и дождь. Сова отнес посуду в мойку. Сказал, что пойдет смотреть кино. В такой форме Сова сообщал, что отправляется спать.

– Рано утром собираюсь по птичьим делам, но вечером загляну. Будь осторожна.

– Угу.

– И не забывай поесть.

– Да-да.

– Спокойной ночи.

– Слушай.

– Ну что?

– Одолжишь мне часы?

Сова взглянул на свои часы, затем на Элину.

– Зачем?

– Мне нужно знать время. Важно.

– Вот как.

Сова снял с руки часы и протянул их Элине.

– Не потеряй только.

Часы были на истертом коричневом кожаном ремешке. Элина застегнула их у себя на запястье.

– Не потеряю. Спасибошки. Спокойной ночи. Сова проследовал в бывшую комнату Элиных родителей, где устроил себе спальню, и закрыл дверь. Элина решила сделать еще одно дело. Она взяла в котельной старый отцовский рюкзак. Сложила в него то, что нужно для разведения огня, походный топорик, тент для ночлега, дождевик и смену чистого белья. Упаковала консервы на трое суток. Отнесла рюкзак в прихожую, оставила в углу. Вот теперь она готова.

Потом Элина долго сидела за столом на кухне и смотрела на мокрый, истерзанный непогодой двор. Она подумала, что сегодняшней день еще ничего не значит.

Завтра она возьмется за дело всерьез.

День второй

5

Янатуйнен ремнем перетянула ногу Гуннарссону чтобы остановить кровотечение, и отвезла его в больницу. Перед приемным покоем она дождалась, пока санитары вытащат Гуннарссона и его сумку с заднего сиденья, попросила их захлопнуть дверь и сразу рванула с места, даже не взглянув в зеркало.

Поездка на машине из Оулу до погранзоны заняла два часа. Примерно через час пути Янатуйнен позавтракала на заправочной станции, наблюдая в окно за порывами ветра. Это успокаивало. Ветви березы беспомощно барабанили по стеклу, как будто хотели до кого-то достучаться.

Она добралась до пропускного пункта в девять утра. В будке пограничника зиял пустой оконный проем. Снятая рама стояла прислоненной к стене. Шлагбаум, сломанный пополам, лежал за будкой.

На месте шлагбаума, перегораживая дорогу, стоял зеленый внедорожник «сузуки». Парень в фуражке сидел в автомобиле на водительском месте и спал, положив голову на руль.

Янатуйнен опустила стекло в машине. Пограничнику в будке, судя по его виду, выдалась бессонная ночь. Он сказал, что не рекомендует продолжать путь в Лапландию, и уже завел было привычную шарманку про страховки, которые перестают действовать дальше, но Янатуйнен остановила его, сообщив, что она из полиции.

Протянула свое удостоверение.

– И вы тоже сюда по службе, – вздохнул пограничник и вернул документ.

– Ну да.

Пограничник посмотрел на машину Янатуйнен, двадцатилетнюю красную «Тойоту-Короллу», и сплюнул на землю перед будкой.

– И такое вот дерьмо вам выдают.

Янатуйнен ухмыльнулась.

– Интересно, эта развалина техосмотр-то пройдет?

Янатуйнен не ответила.

– На государство работать – это задница. Что думаете?

– Как скажете.

– Да уж. Ладно, счастливого пути.

Пограничник помахал рукой парню, который спал в джипе, и велел отъехать. Тот никак не отреагировал. Пограничник взял швабру, стоявшую в углу будки, высунулся из окна и постучал щеткой по капоту «сузуки». Парень проснулся. Пограничник показал шваброй на машину Янатуйнен. Парень включил заднюю передачу и сдал на обочину.

Янатуйнен добралась до Вуопио уже после обеда. Она проехала через всю деревню. Ураган разбросал по дороге сосновые и березовые ветки. Янатуйнен все время крутила рулем, аккуратно объезжая самые крупные сучья, словно сдавала экзамен в автошколе. По сторонам дороги виднелись сорванные почтовые ящики и поваленные дорожные указатели. На автобусной остановке сидел неопрятного вида мужчина. На коленях у него были деревянные колобахи, на которые он приклеивал пуговицы, мох и разноцветные кусочки пластика. Мужчина протянул одну колобаху Янатуйнен, видимо, предлагая ее купить. Янатуйнен не обратила на это внимания. Впереди дорогу переходил олень со свалывшейся шерстью, тащивший за собой красные детские санки-ватрушку. Вдоль дороги выстроились бревенчатые дома, которым, судя по их виду, было не меньше сотни лет. Янатуйнен разглядывала просторные крылечки, выкрашенные свежим красным суриком стены и белые наличники на окнах. Ей попадались и дома с провалившимися крышами, дворы которых походили на свалки. Но даже в таких домах на окнах висели занавески, а перед дверью стояла машина. Во дворе одного из домов примостилась огромная ягода морошки.

Она была размером с сауну. Вдруг в гигантской ягоде открылась дверь – оказалось, что это и вправду сауна.

Янатуйнен доехала до конца деревни, завернула во двор клуба, обогнула его по кругу и повернула обратно.

Магазин «Блесна», похоже, был открыт.

– Добрый день, – сказала Янатуйнен, войдя в магазин.

– Здорово! – крикнул в ответ Кейо и свалился с табурета.

Янатуйнен подошла к прилавку и заглянула за него. Кейо на спине лежал на полу.

– Вы ушиблись?

Кейо неуклюже поднялся и уселся обратно на табурет.

– Да ничего... это моя профессия, хе-хе... И кто ты такая? В смысле, чем могу помочь?

– Я – констебль криминальной полиции Янатуйнен.

Кейо побледнел.

– Но ты же девочка. То есть женщина?

Янатуйнен не ответила. Кейо не отводил от нее глаз.

– Как ваше имя? – спросила Янатуйнен.

– Оллила.

– Это фамилия. А имя?

– Кейо.

– Я разыскиваю Элину Юлияакко.

Кейо кивнул:

– Я ее знаю.

– Вы видели ее в последнее время?

– Не видел вообще-то, – сказал Кейо, взял со стеллажа блесну и принялся натирать ее тряпкой. – А можно спросить, зачем это вы ищите-то молодую хозяйку Юлияакко?

– Нет, не могу сказать.

Янатуйнен обвела взглядом магазин. Взяла с полки желтую коробочку. Внутри была тоже желтая с виду резиновая рыбка. Янатуйнен не знала, для чего она предназначена. Коробочку покрывал слой серой въевшейся грязи. Янатуйнен поставила коробку обратно на полку.

– Хорошо идет торговля?

Кейо кивнул.

– Да-да! Тут много рыбаков-то. Лодка в речку, к счастью, помещается, хе-хе-хе! У нас тут своя есть достопримечательность, лосось в речку высажен. Глупая это рыба.

– Вы действительно не видели Элину Юлияакко?

– Ну нет, в общем-то...

– Вы как-то неуверенно отвечаете.

– Или, ну...

– Ну?

– А ты и вправду из полиции?

Янатуйнен прищурилась.

– Да. Разве это до сих пор непонятно?

– То есть умеешь разруливать... э-э-э... ситуации?

Янатуйнен внимательно посмотрела на Кейо.

– Так, значит. Извольте немедленно сообщить, видели ли вы Элину Юлияакко, а также предоставить всю остальную информацию о ее перемещениях и месте жительства.

– Мадам полицейская, успокойтесь!

– Тогда уж мадемуазель.

– Во даже как?.. – Кейо лизнул ладонь и провел ею по своим черным грязным волосам.

– Послушайте...

– К нам однажды приезжал полицейский.

– Я обязана...

– Он помер уже.

– Простите?

– С ним несчастье приключилось.

– Вы мне угрожаете?

– Нет-нет! Я хочу сказать. Это... Его фамилия была Онкамо. Помер, когда на лося ходили. Ему легкое прострелили.

– Еще немного, и я вас арестую, – сказала Янатуйнен.

– За что? Это был несчастный случай. Или... А можем мы для начала ко мне домой сходить?

– С какой стати?

– У меня дома и есть эта самая ситуация. Как раз вот прямо сейчас. Может, ты ее и разрулишь? А потом я сообщу тебе, что знаю про Элину. Я не угрожаю. Просто хотел рассказать об истории деревни... Если, конечно, тебе интересно... Ну, я рассказчик-то не очень...

Кейо сделал приглашающий жест рукой и взглянул на Янатуйнен.

– Надеюсь, вы понимаете, что не можете предлагать сделок представителю государственной власти.

– Да никакая тут не сделка. У меня несчастье.

– И при этом магазин у вас открыт и вы спокойно тут сидите?

– Ну надо же на жизнь-то зарабатывать... Послушай, у меня серьезная беда. Не знаю, как объяснить. Мне нужна помощь полиции. Можешь мне помочь?

Янатуйнен тяжело вздохнула.

– Говорите, о чем идет речь.

– Ко мне в дом забрались.

– Когда?

– Вот сейчас прямо. Вернее, вчера заявилось. И теперь оно тоже там.

– Кто?

– Это.

– Это?..

- Ну, я толком не пойму, как оно там называется.
  - И оно завладело вашим домом?
  - Вот именно! Завладело. Прямо-таки захватило его.
- Янатуйнен кивнула.
- Вот как.
  - Поможешь, госпожа полицейская?
  - Минуточку, – сказала Янатуйнен и направилась к двери.
  - Разумеется. Полиция – это хорошо...

Янатуйнен вышла на крылечко магазина и закурила. Обвела взглядом деревню. Пожилая женщина, проходя мимо неопрятного мужика на остановке, что-то ему сказала. Тот закричал ей вслед. Женщина остановилась и вернулась к мужику. Они стали о чем-то разговаривать.

Янатуйнен помнила, какой совет дал ей комиссар Кююккю.

Соглашайся на все. Никогда не спорь.

Кююккю был в командировке в Лапландии двадцать лет назад, выяснял обстоятельства ухода от налогов, связанного с проектом строительства плотины. Уезжал Кююккю на два дня, но в итоге задержался на два месяца. Потерял одну ногу, поседел и, по словам коллег, вернулся совершенно другим человеком.

Других результатов поездки не имела: Кююккю доложил, что не смог ничего выяснить.

Помимо этого, Кююккю рассказывал, что местные жители носят длинные подштанники до самого Иванова дня, но в это Янатуйнен теперь поверить не могла, потому что изнемогала от жары в одной футболке и джинсах.

Янатуйнен закурила и стала разглядывать большого соснового долгоносика, который карабкался вверх по столбу крыльца. Он был до смешного медлителен, но при этом неуклонно стремился к своей цели, поочередно переставляя ноги с аккуратностью механизма. Как будто точно знал, сколько времени ему отведено. Забрался на крышу, продолжил свой путь и остановился над головой Янатуйнен. Задрав голову, Янатуйнен наблюдала за жуком. Если бы она не проследила его путь, то приняла бы за сучок в доске. Букашка вдруг отпустила доску и упала Янатуйнен за пазуху.

– Да какого дьявола! – вскрикнула Янатуйнен.

Она засунула руку под футболку через вырез для головы, нащупала жука и бросила его перед собой на крыльцо. Долгоносик перевернулся в воздухе и приземлился на спину. Теперь он беспомощно перебирал ногами. Янатуйнен вернула насекомое в нормальное положение. Из-под черного панциря выступила белая паста.

– Вот дерьмо, – сказала Янатуйнен и вытерла грязь с ботинка о крыльцо. – Показывайте дорогу, – обратилась она к Кейю.

– Ну и хорошо. Вон там, на берегу реки.

Кейю подпер дверь магазина шваброй. Янатуйнен взяла рюкзак с заднего сиденья своей машины и закинула его на спину. Перед входом в магазин лежал мусор, принесенный ураганом, – шишки и куски досок. Кейю подошел к шишке и отбросил ее ногой.

– Ну и натворил тут ветер дел, – сказала Янатуйнен.

– Это пустяки по сравнению с тем, что еще будет.

Кейю указал Янатуйнен на тропинку за магазином. Они прошли мимо кустов черной смородины и малины. Их листья источали сильный запах. На ногах у Кейю были тоненькие шлепанцы. Штаны истрепались, сзади зияла дыра, ничем не прикрытая изнутри. Рубашка Кейю посерела от времени настолько, что определить ее исходный цвет было уже невозможно. Этот ансамбль дополняла копна волос, которым была предоставлена свобода расти по своему усмотрению. Кейю в лохмотьях семенил впереди, словно леший, заманивающий добычу в логово.

Окружавшая их растительность резала глаз своей яркой зеленью. Высокое небо было обителью ласточек. Ниже, среди кустов, мелькали белыми брюшками трясогузки. Потoki света слепили Янатуйнен. Комиссар Кююхкю категорически запрещал носить темные очки.

Слева послышалось жужжание. К Янатуйнен приближался серый усач. Янатуйнен стукнула длинноусого жука открытой ладонью, и насекомое отлетело в малинник.

– Почему у лапландцев нет адресов? – спросила Янатуйнен.

– Все меняется. Однажды зайвится полосатоног, дернет избу да перенесет метров на триста. Тогда уже будет другой адрес-то. Колдовство тоже случается.

– Какое колдовство?

– Проклятия. Я вот спросить тут хотел... У нас редко полицейские бывают. А чего ты сюда пришлепала-то?

– Кому-то все равно надо было приехать.

– Вот как.

Янатуйнен сказала, что отправилась в путь с напарником, но в Оулу тот передумал ехать.

– Понимаю, – кивнул Кейо.

Они зашли во двор, посреди которого стоял типовой дом, какие после войны строили для ветеранов. Рядом расположилась большая клетка с конурой, на крыше которой стояла и лаяла серая собака.

– Рему, тихо, – сказал Кейо.

Собака завиляла хвостом и наклонила голову. Затем снова принялась лаять.

– Тот, что в дом забрался, представляет опасность? – спросила Янатуйнен.

– Да нет, вообще-то.

Кейо открыл дверь на крылечко и зашел внутрь. Янатуйнен последовала за ним. Они прошли прихожую и ступили в комнату, оказавшуюся царством поделок из капа⁷. Столы, часы на стене, стулья и даже стеллаж, на полках которого стояли куксы⁸ и ковшики для сауны, – все было из капа.

Кейо прошел в гостиную, сел на диван и взял с журнального столика газету, сказав при этом, что Янатуйнен следует искать непрошеного гостя на кухне.

– Кажется, тут все в порядке, – сообщила Янатуйнен.

Из глубины дома донесся шум, как будто что-то упало на пол. Кейо закинул голову и крикнул:

– Ты там не особо себе позволяй! Я привел тебе компанию на рыбалку.

– Почему это на рыбалку? – удивилась Янатуйнен.

Кейо махнул рукой:

– Иди давай туда.

– Почему на рыбалку?

Кейо снова махнул. В доме была большая печь из красного кирпича и рядом с ней дверь, из-за которой раздавался шум. Янатуйнен подошла к двери.

– Эй, там! Это полиция.

Раздался звук, как будто что-то сливали в канализацию. Потом другой – можно было подумать, что кто-то что-то сосет, облизывает или надувает.

– Что там происходит? – спросила Янатуйнен у Кейо.

– Ну, загляни туда.

Янатуйнен расстегнула молнию на рюкзаке и вынула пистолет.

– погоди, – сказал Кейо и начал было подниматься на ноги, но Янатуйнен уже взялась за ручку.

---

⁷ Кап – нарост на дереве со сложной текстурой волокон; является ценным материалом для различных поделок.

⁸ Кукса – традиционная саамская кружка, которая вырезается из дерева (в данном случае из капа).

Она распахнула дверь, сделала шаг назад и крепко ухватилась левой рукой за правую, поддерживая ее снизу. Она держала пистолет перед собой на вытянутых руках. В этом положении Янатуйнен и заметила того, кто находился на кухне. В ту же секунду ее представление о мире изменилось навсегда. Янатуйнен закричала. Попятилась и прицелилась в существо, которое сидело на корточках на кухонном столе.

Существо держало в руках большую кастрюлю и пило из нее. Янатуйнен отступала до тех пор, пока не уперлась в стену позади себя. При этом продолжала целиться в чудище, шерсть которого была грубой и черной, как если бы сама ночь превратилась в эластичные и курчавые волосы. Кейо подошел к Янатуйнен и встал перед ней с вытянутыми руками, повторяя: «Не стреляй». Чудище опустило кастрюлю и смотрело прямо на Янатуйнен. Его взгляд был жестким, а глаза сверкали. Как вращающиеся в открытом пламени мраморные шары. Пистолет существо не испугал. Возможно, оно было из числа тех, кого не берет пуля. Существо открыло винно-красный рот, влажный и мясистый. Во рту блестели зубы. Своей длинной рукой чудище снова подняло кастрюлю.

– Лучше убери ружье-то, – сказал Кейо.

– Что это? – спросила Янатуйнен, не опуская пистолета.

– Воблин.

– Что?

– Матерь божья. Он что же это, жрет мой суп?

Воблин уронил пустую кастрюльку на стол, откуда она скатилась на пол. Затем спокойно посмотрел на них, переводя взгляд с одного на другого. Он глубоко втягивал в себя воздух, как сам будда или сильно перекормленный мопс. Потoki воздуха с шумом входили и выходили из его огромных ноздрей.

– Он порыбачить хочет, – сказал Кейо. – У меня уже сил нет с ним ходить.

– На рыбалку?

– Убери, наконец, свою пушку.

Янатуйнен опустила оружие. Воблин продолжал сидеть, уставившись на них.

– Удочки на лестнице за дверью на двор. Возьми ее. Лодка на берегу. Черная такая. Не торопись там.

Кейо подошел к кухонной двери, словно расположившееся в помещении существо, плод преданий и сказок, не представляло для них никакой опасности.

– Скажи-ка ему что-нибудь.

Янатуйнен подошла к Кейо. Их приближение несколько не обеспокоило воблина. Напротив, он поглядывал на них с совершенно счастливым видом. К его шерсти пристали листья, земля и прочий лесной сор. Мусор покрывал и всю кухню, где воблин явно неплохо порезвился и великолепно провел время. Дверцы шкафов были распахнуты. Кастрюли, сковороды и сухие продукты вынуты и разбросаны как попало. Раковина была до краев заполнена макаронами.

– Эта девушка, госпожа полицейская, – Кейо строго посмотрел на воблина, – она сводит тебя на рыбалку.

Воблин словно очнулся.

– Не спешите, – сказала Янатуйнен.

Кейо кивнул воблину:

– Давай поднимайся!

И жестом изобразил, как удят рыбу. Воблин завизжал, спрыгнул на пол и рванул к ним, он оказался поразительно шустрим. Янатуйнен закричала и отскочила в сторону. Кейо лишь слегка отшатнулся, а воблин уже стоял перед ними, огромный и черный, по-звериному грозный. Затем он выскочил из кухни во двор и куда-то помчался.

Кейо поднял кастрюлю с пола, выругался и принялся за уборку.

– Он просто хочет на рыбалку... Сделай ему приятное. Дьявол, сожрал мой суп с сосисками... Только вчера сварил... Слушай, если он тебя схватит, просто пощекочи ему под мышкой. И разговаривай с ним. Он это любит.

Янатуйнен убрала пистолет в кобуру.

– Это не входит в мои обязанности.

– Порыбачь с ним немножко. У меня уже сил нет.

– Не пора ли ему обратно в лес?

– Ему там не нравится. Не знаешь разве, что воблины к людям тянутся?

– Мне об этом ничего не известно.

– Понятно.

– Не стоит ли его пристрелить?

– Глупости не говори.

– Это вредное животное.

– Бреши давай, ага.

Янатуйнен обвела рукой кухню. Кейо, сгребавший короткой шваброй остатки пищи и листья, оторвался от своего занятия и пробормотал:

– Пригласи Тервоненов в карты поиграть – и наутро будет такой же бардак.

– Но я не умею ловить рыбу.

Кейо посмотрел на Янатуйнен как на идиотку.

– Он научит.

6

Ночью Элина пережила все сызнова.

Во сне она опять проснулась от звона бьющегося стекла у себя в квартире на Юге. Встала и пошла в гостиную. Посреди комнаты стоял огромный журавль, проникший в квартиру через окно. Под крыльями у него были мужские руки, которыми он прижимал к себе телевизионную панель.

Сейчас совсем неудачное время, подумала Элина.

Она велела журавлю поставить телевизор на пол. Журавль сделал несколько шагов назад и повернул свою птичью голову. Его красные глаза сверкали огнем. Элина подошла к журавлю и вцепилась в телевизор. Журавль долбанул ее клювом в плечо. Элина отступила. Плечо пульсировало болью. Она схватила прислоненную к книжному шкафу палку от швабры, которую использовала для растяжки во время гимнастики, и приблизилась к противнику снова.

Взмахнула палкой, стараясь попасть журавлю по ногам. Птица проворно отпрыгнула в сторону и снова попыталась клюнуть Элину, целясь в голову. Элина увернулась. Когда она атаковала в следующий раз, журавль швырнул в нее телевизор. Элина инстинктивно прикрылась правой ногой. Телевизор угодил ей по большому пальцу и грохнулся на пол. Журавль расправил крылья, дважды взмахнул ими и поднялся в воздух. Теперь он был над Элиной и снова ударил ее своим клювом. Элина стукнула его палкой по клюву. Журавль тоже совершил выпад. Элине удалось левой рукой схватить птицу за клюв. Она бросила палку, вцепилась в клюв уже обеими руками и швырнула противника на пол. Затем вскочила на журавля. Коленями прижала его руки к полу. Теперь Элина держала птицу за клюв, а та била ее ногами по спине. У журавля оказались исключительно острые когти. Элина придавила клюв к полу. Красный журавлиный глаз смотрел на нее не мигая. Элина отняла правую руку от клюва и нащупала его птичий живот. Она искала место, где он был разрезан и потом снова сшит. Найдя шов, Элина запустила палец между стежками и ослабила их, расширив отверстие. Наконец ей удалось засунуть всю руку внутрь птицы. Она разгребала древесные опилки. Пальцы в конце концов наткнулись на что-то твердое. Это было сердце, и Элина вытянула его наружу. Огонь в глазу журавля померк, и птица обмякла. Тяжело дыша, Элина навалилась на него. Разжала кулак. В нем лежал маленький кусочек ржаного хлеба.

Она села в кровати, с трудом переводя дыхание. Постепенно девушка осознала, что находится в Вуопио.

Поднялась и прошла на кухню короткими старушечьими шажками. Казалось, ее внутренности стали жидкими.

Элина знала, что это второе предупреждение.

На кухне она проглотила таблетку обезболивающего и запила ее водой. Села за стол ждать, пока утихнет боль.

Но боль не утихала. Элина смотрела в окно, выходящее во двор, где был такой же хаос, как и в ее душе. Ветки разбросаны по газону. Повсюду валялись сорванные листья и обломанные стебли растений. Двор был полон птиц, которые удивлялись и радовались тому, что пережили эту ночь.

– Я остановлюсь, только когда лишусь рук и ног, – сказала она вслух. – И даже это меня не остановит.

Она встала. Жидкие внутренности пришли в движение.

– Уже, черт возьми.

Элина вынула из шкафа кастрюлю. Налила в нее воды, поставила на плиту и зажгла горелку. Взглянула на стрелки часов на стене, чтобы убедиться, что одолженные у Совы часы идут правильно. Достала из ящика прикроватной тумбочки мамины дневники, четыре записные книжки с кожаными корешками, и стала читать их, усевшись за стол. В книжках было мало сведений о водяном. В основном говорилось, что с водяным лучше не связываться.

Она посмотрела на улицу и задумалась. Вспомнила старую историю про водяного, как тот сидел на причале, потрясал игральными костями в горсти и громко зазывал проходивших мимо поиграть с ним.

Элина принялась искать игральные карты. Открыла все шкафы на кухне и нашла колоду под свечами в самом конце выдвижного ящика. Разложила карты на столе и стала складывать колоду так, чтобы карты чередовались через одну: тузы и короли с двойками или тройками. Когда тузы, короли, двойки и тройки закончились, она также поочередно уложила королев, валетов, четверки и пятерки. Проверила и убедилась, что колода собрана правильно. Поменяла местами несколько королей и двоек.

Вода закипела. Элина перемешала в кипятке овсяные хлопья. Со стакана для карандашей сняла резинку и дважды перехватила ею колоду. Сварила жидкую, очень мягкую кашу и съела половину порции. Одедась и положила карты в карман, в котором колода казалась тяжелой и плоской, как магазин с патронами.

Так, еще средство от комаров, нож за голенище сапога – и в путь.

Элина ступала на те же гнилушки, что и в прошлый раз, на те же корни ив. В тех местах, где обувь содрала с них кору, заболонь белела, словно кость. Она опиралась о те же ветки. Каждый раз они пригибались все ниже. Одна из веток наконец не выдержала, и Элина потеряла равновесие.

Она повалилась в самую гущу кустарника медленно, словно пьяная.

Тяжело дыша и ругаясь, Элина выбралась обратно. Ругалась Элина больше потому, что до этого не подозревала, насколько она неуклюжая. Похлопала себя по карману – колода карт была на месте. Элина продолжила путь. Опять вся одежда промокла. Ей показалось, что она и вовсе не уходила с болота. Что ночевала в зарослях ивы и ей просто приснились и Сова, и кровать.

На другой стороне ивняка Элина остановилась. В болоте перед ней стояла лосиха. Они посмотрели друг на друга. У лосихи был такой вид, словно она хотела спросить дорогу. Как будто ураган сбил настройку ее внутреннего компаса и сделал животное совершенно беспомощным. Казалось, лосиха вообще забыла, кто она такая.

Животное продолжило свой путь в ту же сторону, куда вроде бы и шло. Это было хорошее направление просто потому, что ничем не хуже, чем любое другое. Элина стояла, тяжело дыша и давая лосихе спокойно уйти. Когда животное исчезло и звук его шагов затих, Элина тоже двинулась дальше. Еще издали она увидела водяного. Тот приволок откуда-то старую

«морду»⁹ и соорудил из нее трон. Водяной восседал на нем на другой стороне озера и с беспечным видом ждал Элину.

Элина остановилась на своем берегу напротив водяного. «Морда», переделанная в трон, была древней и проржавевшей, но водяной сидел на ней как сам Создатель. Он смотрел на Элину со скучающим видом своими синими глазами, был совершенно нагим и гладким, словно дельфин, и таким же серым. Красивый и ужасный одновременно, он походил на какую-то игрушку из далекого будущего.

Водяной был совершенно лысым с черепом такой формы, что возникало желание положить на него ладонь – казалось, рука отдыхала бы на нем. Рассказывали историю о стеклодуве, который задумал изготовить сосуд в форме головы водяного. Стеклодув попросил водяного об аудиенции. Тот пригласил стеклодува к себе, в тот же вечер оторвал ему голову и выпил досуха содержимое черепа.

– Забыла спиннинг, – сказал водяной.

– Ты прекрасно знаешь, что сейчас мне от него нет никакого проку.

– Никакого, точно.

– Мне нужна эта щука.

– Понимаю.

– И у меня предложение.

– У меня тоже.

– Вот как?

– Да. Попроси прощения у меня и у щуки.

– Еще что скажешь?

– Затем разворачивайся кругом, иди отсюда и больше никогда не возвращайся.

– Вот как.

– Да.

Элина сняла с головы кепку, отерла пот и снова ее надела.

– Этого я сделать не могу.

– Ну-ну. Во всяком случае я предложил тебе путь к отступлению. Боюсь, что больше такой возможности не будет.

– У меня нет других вариантов.

– Тогда рассказывай, что ты надумала.

– Для начала я хочу ее увидеть.

– Кого?

– Щуку. Хочу убедиться, что она еще жива.

– Вообще никакого доверия, – сказал водяной и вздернул подбородок.

Рыбина медленно поднялась на поверхность. Сначала показалась темная голова. Затем спина и хвост. Щука сделала круг по часовой стрелке, словно дрессированный домашний питомец. У Элины заныло в животе – так близко!

Щука исчезла.

– Довольна?

Элина кивнула и достала из кармана колоду карт.

– Сыграем на нее.

Водяной приподнялся со своего сиденья.

– То есть ты предлагаешь мне сыграть?

– Да. На эту щуку.

– И что ставишь?

– Получишь мою машину.

---

⁹ «Морда» – плетеная из прутьев или металлической проволоки снасть-ловушка для рыбы.

Водяной соединил кончики пальцев.

– У меня и деньги есть. Наличные.

Водяной погладил свою лысую голову.

– Я люблю игры. Надо признать, тут ты, так сказать, потянула за верную ниточку. Я очень люблю играть. Вопрос только в ставках. Они кажутся несоразмерными. Машина или деньги против самой жизни...

– А что ты хочешь?

– Чтобы ты поставила на кон свою жизнь.

Элина прочистила горло. Переступила с ноги на ногу.

– И что, если?..

– Если выиграю я, то получу твою душу. Если выиграешь ты, то получишь щуку.

Элина повертела колоду в кармане.

– Договорились.

– Как славно! – водяной закрыл глаза, потер руки и хихикнул.

– С одним условием.

Водяной открыл глаза, похожие теперь на два замерзших колодца.

– Если я выиграю, то получу щуку. И ты больше никогда не явишься на это озеро.

Водяной посмотрел на нее:

– Это и есть твое условие?

– Да.

Водяной махнул рукой:

– Мне все равно. Гораздо важнее – во что мы будем играть.

– Ну, давай в «последнюю взятку»¹⁰.

Водяной состроил такую гримасу, как будто его трон внезапно раскалился.

– Какое банальное предложение! Давай сыграем в «канасту». Для нее нужны четверо, но я могу позвать своих друзей. Вечный Турсо¹¹ обрадуется, я знаю. Организуем турнир!

Элина помотала головой:

– Я не умею в «канасту». Я умею в «последнюю взятку». Надо играть в такую игру, которую оба знают. Одна раздача. Играем один раз.

– Скучота! Ну да ладно.

Водяной поднялся со своего седалища и, подтянутый, словно балетный танцовщик, направился к Элине. Она задумалась, почему существа из другого мира либо потрясающе красивые и умные, либо невероятно страшные и глупые. Комары вились вокруг водяного, но не трогали его. У них был такой уговор.

На болоте не было ничего похожего на стол. Элина присела на корточки прямо там, где стояла. Она начала раздавать карты, бросая их перед собой на колышущуюся трясину. И тут же явились торфяные буки.

Водяной приблизился к Элине и тоже сел на корточки. Буки немедленно отскочили подальше.

Водяной был теперь совсем близко. От него пахло какими-то чудесными благовониями.

Во время раздачи карт боль червем выползла у Элины откуда-то из-за грудины. На мгновение девушка перестала раздавать карты, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Когда боль достигла своей цели, то есть полностью завладела вниманием Элины, она отступила обратно в свою нору.

Элина открыла глаза. Водяной радостно смотрел на нее.

---

¹⁰ «Последняя взятка», или «катко», – карточная игра, популярная к северу от города Оулу и напоминающая вист и бридж; для победы необходимо собрать три последние взятки.

¹¹ Вечный Турсо (Ику-Турсо) – в карело-финской мифологии морское чудовище; упоминается в эпосе «Калевала».

Когда Элина раздала последние карты, водяной сказал:

– Погоди.

– Что еще?

– Сначала карты нужно перетасовать.

Элина заставила себя взглянуть водяному в глаза, в которых слились лед и разум. Пытаясь изобразить равнодушие в голосе, она произнесла:

– Я уже перетасовала их.

Водяной пристально смотрел на нее.

– Мы так не договаривались. Ты, возможно, пытаешься меня обмануть. Я требую перемешать колоду еще раз.

Элина посмотрела на карты. Ей нужно было реагировать незамедлительно.

– Как хочешь.

Она взяла колоду в левую руку и правой рукой вынула карты из нижней части, перемешав их с другими в нижней части колоды.

Водяной прищелкнул языком.

– Ты неправильно тасуешь.

– Что не так?

– Ты тасуешь только часть.

– Я все время тасую как надо.

– Дай колоду мне.

– Нет уж, я сама.

– Да ты меня надуть хочешь?

– Не говори глупостей.

– Я хочу, чтобы карты были перемешаны как полагается. Дай колоду.

Элина помотала головой и продолжила тасовать карты. Водяной вздохнул. Он шлепнул Элину по руке таким стремительным движением, что его было не заметить взглядом. Карты разлетелись по болоту. Элина вскрикнула. Водяной принялся собирать карты и сказал, что сам их раздаст.

– Ни в коем случае! – воскликнула Элина и тоже принялась подбирать карты.

С минуту они собирали их наперегонки. Когда у обоих в руках было по колоде карт, Элина протянула руку.

– Хорошо, сдаюсь, – сказала она. – Я перемешаю получше.

– На этот раз тасуй как следует.

– Ладно.

Водяной протянул ей карты.

Дрожащими руками Элина сложила их в колоду. Разделила карты перед собой на шесть стопок. Водяной с елеем в голосе спросил, все ли у нее хорошо. Элина кивнула. Собрала стопки вместе, взяла колоду в руку и протянула водяному.

– Хочешь снять?

Водяной длинным пальцем сдвинул верхние карты на пару сантиметров к Элине. Элина переложила сдвинутые карты в низ колоды, раздала и подумала о том, как быстро она сможет бежать по болоту. Конечно же, недостаточно быстро. Не в этом состоянии, не с большим пальцем. Она осмотрелась. Поискала взглядом, нет ли чего-нибудь подходящего для удара. Только низкие и корявые заросли ивы. Ничего больше. Вообще ничего. У нее был нож. Бесплезное оружие в схватке с водяным.

Ей надо бить сразу. Больше ничего не остается, даже пытаться не стоит. Сразу, как только последняя карта окажется на земле.

Она не собиралась тут умирать.

Элина подняла свои карты. Пять червей. Туз, королева, шестерка, четверка и тройка.

Черт побери, ей не придется тут умереть.

Водяной одной рукой погладил подбородок, тонкий и изящный, выбрал карту и положил ее перед собой.

Это была пятерка червей. Элина побила ее червовой шестеркой.

– Ты уже пять лет ходишь на это болото, – сказал водяной. – Целых пять лет напрашиваешься на неприятности. Ну ничего, ничего, скоро твои желания наконец-то сбудутся, а?..

Элина обдумывала стратегию игры. Вариант был только один.

– Это тебя не касается, – сказала она и пошла с туза.

Водяной наклонил голову, улынулся.

– Вот как. Что ж, скоро ты мне все расскажешь.

Он сбросил четверку крестей, и это означало, что у него нет червей, а значит, Элина выиграла.

Элина положила оставшиеся карты на мох.

Она закрыла лицо руками и дважды глубоко выдохнула в ладони.

Невероятное везение.

Водяной швырнул свои карты. Бубновый валет, король крестей и крестовый туз. Мелкие мышцы на подбородке у водяного ходили ходуном. Он едва заметно кивнул, как будто принял решение.

– Ты нарушила правила, – сказал водяной.

– Ничего я не нарушала.

Водяной поднялся и побрел обратно к своему трону.

– Ты заранее разложила карты, как тебе было выгодно. Игра не засчитывается.

– Выполняй, что обещал.

Водяной уселся на своем постаменте.

– Ты смухлевала.

– Держи слово.

– Уходи отсюда.

Элина задумалась. У нее был нож. У водяного оружия не было. Она посмотрела на водяного через темные щелочки прищуренных глаз.

Водяной легко разделяется с ней, как с плотвицей.

– Проваливай сию же минуту, – сказал водяной. – Другого случая не представится, больше живой я тебя не отпущу.

Элина посмотрела на озеро. Вариантов не оставалось. Она развернулась и медленно побрела назад.

Потом из леса прилетела сорока. Она схватила клювом бубнового валета, потрясла им, уронила карту и улетела. Разбросанные по болоту белые карты казались здесь совершенно нелепыми, как и водяной, который продолжал сидеть, подперев кулаком подбородок. Неподвижно.

7

Вернувшись с болота, Элина направилась прямо в хлев. Взяла валявшуюся на верстаке мишень для дартса, вышла во двор и повесила ее на стену хлева рядом с дверью. На гвоздь, который за последние тридцать лет использовался только для этой цели. С трудом выдернула из стены пять заржавевших красных дротиков и отошла на пять метров. Повернулась и посмотрела на мишень. Снова подошла к ней, поправила, сдвинув на три сантиметра влево, вернулась на прежнюю позицию и поставила левую ногу на камень, а правую отвела на тридцать сантиметров назад. Подняла руку с дротиком. Опустила ее и стерла запястьем комара со щеки. Начала метать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.